

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора	3
-----------------------------	----------

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Главному редактору журнала «Бизнес, менеджмент и право» – 70 лет!	6
Журналу «Бизнес, менеджмент и право» – 20 лет!.....	7
Анонс научных мероприятий	8

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Тасалов Ф. А. Единая информационная система в сфере закупок: проблемы и противоречия в нормативном регулировании	11
Смирнов П. А., Файнгольд Д. Е. О новейшей судебной практике в сфере оборота криптовалют.....	16
Косьяненко Е. М., Воробьев К. С. Проблемы определения и имитации фирменного стиля предприятия	22

ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Кушнарев А. С., Пучков В. О. Цифровые финансовые активы в делах о банкротстве	28
Адрова П. О. Сравнительный анализ судебного и внесудебного банкротства	32

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Зверев М. А. Правовая природа института замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе	36
---	-----------

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Белых В. С. Агентский договор в английском праве	42
Бажина М. А. Либерализация железнодорожной отрасли в России и Германии: сравнительно-правовой анализ	47

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обзор по актуальным вопросам применения АПК РФ, утвержденного Президиумом Арбитражного суда Уральского округа	52
---	-----------

CHIEF EDITOR'S COLUMN	
Chief editor's column	3
BUSINESS AND SCIENCE NEWS	
Editor-in-Chief of the "Business, Management and Law" Journal is 70 Years!	6
Journal "Business, Management and Law" is 20 Years!	7
Announcement of Scientific Events	8
CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW	
Tasalov Philip A. Unified Information System in Procurement: Problems and Contradictions in the Regulatory Framework	11
Smirnov Pavel A., Faingold Dmitriy E. On the Latest Judicial Practice in the Field of Cryptocurrency Circulation	16
Kosyanenko Elena M., Vorobyov Kirill. Problems of Defining and Imitating the Corporate Identity of an Enterprise	22
BANKRUPTCY LAW	
Kushnarev Aleksandr S., Puchkov Vladislav O. Digital Financial Assets in Bankruptcy Cases	28
Adrova Polina O. Comparative Analysis of Judicial and Out-of-Court Bankruptcy	32
CIVIL PROCEDURE, COMMERCIAL (ARBITRAZH) PROCEDURE	
Zverev Mikhail A. Legal Nature of the Institution of Replacing an Improper Defendant in Civil Proceedings	36
COMPARATIVE LAW	
Belykh Vladimir S. Agency Contract in English Law	42
Bazhina Maria A. Liberalization of the Railway Industry in Russia and Germany: Comparative Legal Analysis	47
JUDICIAL REVIEW	
Review on Topical Issues of Applying the RF Code of Commercial (Arbitrazh) Procedure Approved by the Presidium of the Commercial Court of the Ural District	52

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Начало 2022 г. было достаточно насыщенным на различные события, которые в определенной мере отразились на каждом из нас. Среди них наиболее значимый след в мировой истории оставит дата 24 февраля 2022 г., которая разделила все человечество на тех, кто поддерживает вынужденные действия российских властей, связанных с осуществлением специальной военной операции в Украине, и тех, кто по той или иной причине (причинам) против.

Мы живем в эпоху новой «холодной войны», инициаторы которой в первую очередь, Соединенные Штаты и Англия. И не только «холодной»!

В эпоху цифровых технологий каждый пытается высказать свое мнение, непременно донести до многомиллионной публики свое виденье с помощью личной странички в социальных сетях, в одно мгновение становясь искусным политиком или военачальником, экономистом или иным экспертом в какой-либо области. Различные оценки дальнейшего развития военной, экономической, социальной политики государства доносятся из всех возможных «окон» виртуального пространства. В такой ситуации невольно вспоминаются строки из известного произведения Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта», а именно: «Как можешь ты судить о том, чего не знаешь?..» И этот вопрос справедлив в отношении всех тех, кто не располагает последними объективными данными из первоисточников. Да, можно не знать. Но мы патриоты России!

История не терпит сослагательного наклонения и происходит именно так, как есть сейчас. И все мы, каждый профессионал своего дела, нужны именно в той сфере деятельности, в которой специализируемся. Именно правильное и рациональное разделение труда позволит нам пережить непростые времена и создать хороший задел на будущее, которое обязательно будет!

*С уважением,
Главный редактор*

В. С. Белых

- УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ** **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**
- ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР** **Белых В. С.** – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- ЗАМЕСТИЛИ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА** **Бажина М. А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ** **Бозров В. М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.
Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».
Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».
Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермского государственного национального исследовательского университета».

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».

Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежского государственного университета».

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирского государственного университета».

Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета ВС РФ.

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточного федерального университета».

Ярков В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления.

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.

Первалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Решетникова И. В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.

Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Главному редактору журнала «Бизнес, менеджмент и право» – 70 лет!

28 февраля 2022 г. отметил свой юбилей Владимир Сергеевич Белых, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный адвокат России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Уважаемый Владимир Сергеевич!

От всего сердца поздравляем Вас с 70-летием! Искренне желаем Вам на долгие годы крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, открытости инновациям, талантливых учеников и интересных проектов в разных сферах!

Именно благодаря своим незаурядным деловым и личным качествам, целеустремленности и потрясающей работоспособности Вы состоялись как крупный ученый, внесли весомый вклад в науку гражданского и предпринимательского права. В частности, о признании Вашего авторитета свидетельствует работа главным редактором научных юридических журналов, членство в редколлегиях и редсоветах ведущих юридических журналов!

Будучи известным ученым, Вы продолжаете поддерживать тесную связь с практической деятельностью, являясь арбитром МКАС при ТПП РФ, арбитром Третейского суда при Торговой палате и Аграрной палате Чешской Республики, членом НКС Арбитражного суда Уральского округа, Арбитражного суда Челябинской области, Арбитражного суда по интеллектуальным правам, экспертом Конституционного Суда РФ, Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации РФ, Комитета по экономической политике Государственной Думы РФ, Федеральной антимонопольной службы.

Вы восхищаете не только талантами ученого, руководителя кафедры и организатора многочисленных научных и профессиональных мероприятий, но и легкостью в общении, чувством юмора, умением располагать к себе разных людей, качествами, во все времена отличавшими настоящего мыслителя.

В этот праздничный день примите слова благодарности от многочисленных Ваших учеников, которые с гордостью продолжают реализовывать в науке и практике концептуальные идеи предпринимательского права, основоположником которых Вы по праву являетесь! Пусть успехи Ваших студентов, аспирантов, соискателей будут для Вас нескончаемым источником вдохновения и сил для покорения новых высот образования и юридической науки!

Ваши коллеги всегда с особой теплотой отзываются о Вас как о прекрасном организаторе и руководителе, ученом, умеющим гармонично сочетать традиции фундаментальной науки с инновационными идеями. Посвятив свою жизнь советскому и российскому образованию, прилагая огромные усилия для укрепления и развития отечественной науки, а также укреплению дружественных отношений с иностранными учеными, проявляя талант профессионала и лидера, Вы подаете прекрасный пример достойного служения Отечеству.

Уважаемый Владимир Сергеевич, пусть результаты Ваших трудов продолжают быть востребованными в стране и за ее пределами, а Ваш вклад в науку будет пополняться новыми идеями, свершениями и достижениями!

Крепкого физического и душевного здоровья, неиссякаемого жизнелюбия, новых успехов на благо родного университета, российской науки и образования, и благополучия во всем! Полный вперед!

*Редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право»,
коллектив кафедры предпринимательского права
УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева*

Журналу «Бизнес, менеджмент и право» – 20 лет!

Казалось бы, только вчера был выпущен первый номер научно-практического экономико-правового журнала «Бизнес, менеджмент и право»... И вот мы уже отмечаем его двадцатилетний юбилей. Как быстро бежит время!

Идея создания журнала с такой тематикой неожиданно возникла в далеком 2002 году, когда В. С. Белых, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, и О. А. Герасимов, доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, возвращались на автомобиле в Екатеринбург из г. Нижний Тагил, в котором проходило научно-практическое мероприятие. В то время возникла насущная необходимость издания такого журнала, на страницах которого ученые и практические работники могли бы обсуждать различные вопросы правового обеспечения ведения предпринимательской деятельности, т. е. гармонично сочетать практический опыт и научные знания. Специфика журнала, носящего экономико-правовой характер, позволила рассматривать многие проблемы эффективности правового регулирования предпринимательства как с точки зрения их экономической, так и правовой обеспеченности.

На сегодняшний день в журнале освещаются наиболее актуальные проблемы юридической, экономической теории и практики. В издании выделены такие рубрики, как: «Теория и практика менеджмента», «Правовая работа на предприятии», «Экономическая безопасность», «Обзор судебной практики» и ряд других рубрик. Для каждого номера выделяется специальная тема, посвященная дискуссионным вопросам науки и практики. В качестве примера можно вспомнить следующие тематические номера журнала: «Три новых кодекса: административный, трудовой и арбитражно-процессуальный», «Несостоятельность (банкротство)», «Интегрированные

бизнес-группы (финансово-промышленные группы, холдинги, иные корпоративные структуры)», «Коррупция», «Политика, экономика и право», «Россия в условиях глобализации», «Банки и банковское дело», «Страховое дело», «Металлургическая промышленность России», «Юридический анализ экономики», «Экономическое правосудие», «Инвестиции в Российской Федерации», «Систематизация предпринимательского законодательства», «Рынок ценных бумаг», «Унификация транспортного законодательства», «Интеллектуальная собственность», «Философско-этические аспекты предпринимательства», «Глобальный экономический кризис», «Государственно-частное партнерство», «Экономический анализ права», «Конституционная экономика», «Страницы философии и права», «Финансовые инструменты», «Конституционная экономика» и т. д.

На страницах журнала регулярно публикуются работы известных юристов, экономистов, практических работников по вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности, анализа правоприменительной практики. Журнал «Бизнес, менеджмент и право» выходит четыре раз в год. За время его существования было опубликовано 1200 статей (50 выпусков).

Редакция журнала от всей души поздравляет основателей журнала – профессора В. С. Белых, доцента О. А. Герасимова, членов редколлегии и редсовета журнала, а также всех постоянных авторов журнала с его юбилеем и желает всем неиссякаемого оптимизма, больших творческих успехов, новых достижений в сфере научных исследований, здоровья и личного счастья!

*Редакция журнала
«Бизнес, менеджмент и право»*

II Международный форум по медицинскому праву

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Институт права и предпринимательства, кафедра предпринимательского права УрГЮУ приглашают принять участие в Международном форуме по медицинскому праву, который состоится 20 апреля 2022 г.

Спикерами предстоящего форума станут ведущие эксперты, имеющие многолетний опыт практической деятельности: практикующие юристы в сфере медицинского права, специализирующиеся на защите интересов медицинских работников и медицинских организаций; представители судейского корпуса и органов государственной власти; эксперты, осуществляющие оценку качества медицинской помощи и судебно-медицинские эксперты.

Международный форум «Медицинское право» – это площадка для обмена опытом и объединения усилий с целью принятия практических решений, направленных на снижение правовых рисков при оказании медицинской помощи.

У вас есть уникальная возможность принять участие в работе следующих секций форума:

- Частно-правовое регулирование отношений в сфере медицины;
- Медицинское право и медицинская деятельность в условиях цифровой экономики и технологий;
- «Медицинское право, трудовое право и право социального обеспечения: проблемы межотраслевого взаимодействия»;
- Медицина, биотехнологии и уголовное право;
- Философия медицины: традиции и актуальные проблемы современности;
- Судебные споры в сфере оказания медицинских услуг: теоретические модели и практическая реализация. Роль судебно-медицинской экспертизы;
- Конституционные гарантии и права человека в сфере охраны здоровья, медицины и современных медицинских технологий;
- Генетические технологии и качество жизни;
- Medical Law: English version;
- Секция молодых исследователей (участвуют молодые ученые – студенты (специалисты, бакалавры), магистранты, аспиранты).

До 10 апреля 2022 г., 23:59 по местному времени Екатеринбурга, необходимо направить на почту medical.law.forum@mail.ru подготовленные статьи, оформленные в соответствии с требованиями. В теме письма указать: «Статья для Медицинского форума».

По итогам форума будет издан научно-практический сборник, рецензируемый РИНЦ.

Для участия в форуме необходимо пройти регистрацию по ссылке: <https://forms.gle/XкубK-pnrPcWQK3Kz6> не позднее 10 апреля 2022 г., 23:59 по местному времени г. Екатеринбург.

Форум будет проводиться в онлайн-форме на площадке Google Meet.

XV сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Интернационализация юридической науки и образования»

Приглашаем Вас принять участие в XV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Интернационализация юридической науки и образования», проведение которой запланировано на 9–10 июня 2022 г. в отеле «Hyatt Regency Екатеринбург».

Европейско-Азиатский правовой конгресс является постоянно действующей площадкой для коммуникации и исследовательской активности профессионального сообщества юристов на евразийском пространстве. Ежегодно с 2007 г. УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева совместно с Ассоциацией юристов России в Екатеринбурге проводятся сессии Конгресса. К участию в работе сессий Конгресса приглашаются профессиональные юристы – ученые и практики – из государств-членов ЕАЭС, ШОС, а также политики, представители органов государственной власти и бизнеса. На сессиях Конгресса прорабатываются приоритетные проекты содействия повышению эффективности деятельности названных международных организаций, проблемы юридического обеспечения экономической интеграции в Европейско-Азиатском пространстве.

Юридический форум такого масштаба не случайно проходит в Екатеринбурге, который, являясь столицей Среднего Урала, расположен на границе Европы и Азии и представляет собой узловой центр, обеспечивающий реализацию политики современной России в сфере промышленности, экономики, образования, науки и культуры. Деловая программа Конгресса – это достойный уровень спикеров и качество дискуссий. Главная задача Конгресса – обеспечить открытый обмен мнениями по актуальным для юридического сообщества, представителей органов государственной власти и бизнеса проблемам.

Проведение XV сессии Конгресса в обновленном формате предполагает организацию нескольких потоков междисциплинарных дискуссионных панелей, последовательно сменяющих друг друга на протяжении 2 дней работы юбилейной сессии. В подготовке и проведении дискуссионных панелей примут участие представители разных экспертных групп.

Основные темы дискуссионных панелей XV сессии Конгресса:

- Цифровая экономика и право.
- Новые вызовы для гражданского процесса: унификация и конкуренция.
- Интернационализация курса уголовного права России.
- Доктрина и практика международного права: между Сциллой и Харибдой.
- Преподавание международного права: нужна ли перезагрузка?
- Международные исследовательские проекты – настоящее и будущее.
- Трансформация публичной власти в условиях вызовов современности.
- Медиарегулирование в условиях развития цифровых технологий: в поисках баланса индивидуальной свободы и публичных интересов.
- Конституционная идентичность и конституционные ценности в контексте глобализации: вызовы правам человека;
- Интернационализация подходов к обеспечению полной и продуктивной занятости и защите от социальных рисков на Европейско-Азиатском правовом пространстве;
- Евразийское трудовое право и право социального обеспечения как фактор интернационализации правового регулирования: доктрина, практика, учебный процесс;
- Роль трудового права и права социального обеспечения в содействии устойчивому развитию: международный опыт и российские практики.

Гостям и участникам Конгресса традиционно будут доступны преимущества современных цифровых сервисов: онлайн-трансляция Пленарного заседания, подключение к работе дискуссионных панелей в режиме видеоконференцсвязи, удаленное информирование.

Центральным событием XV сессии Конгресса станет подписание соглашения о создании Консорциума «Европейско-Азиатский правовой университет»,

объединяющего ведущие юридические университеты (юридические факультеты университетов) государств-членов и государств-наблюдателей ЕАЭС, а также государств, заинтересованных в развитии

торгово-экономического сотрудничества с ЕАЭС. Кроме того, на площадке XV сессии Конгресса впервые состоится Европейско-Азиатский молодежный юридический форум.

По итогам проведения XV сессии Конгресса будет опубликован очередной номер специализированного журнала «European and Asian Law Review».

Подробная информация о требованиях к статьям, а также порядке их направления размещена на официальном сайте журнала <https://ealawreview.ru>.

Регистрация участников будет проводиться на официальном сайте Конгресса www.lawcongress.ru в период с 11 апреля по 15 мая 2022 г. включительно.

Будем рады видеть Вас в числе участников XV сессии Конгресса!

УДК 346.3

Единая информационная система в сфере закупок: проблемы и противоречия в нормативном регулировании¹

Тасалов Ф. А.

Аннотация: Единая информационная система в сфере закупок является одной из крупнейших государственных информационных систем, от развития которой зависит будущее цифровизации закупок и эффективность работы, прежде всего, заказчиков и участников закупок. В статье рассматриваются особенности функционирования единой информационной системы в сфере закупок. Анализируется правовое положение оператора такой системы. Установлены особенности заключения и исполнения контракта на эксплуатацию информационной системы. Исследуются особенности финансирования услуг по такой эксплуатации с учетом необходимости анализа бюджетных расходов на обслуживание единой информационной системы в сфере закупок. В статье обосновывается наличие пробелов в нормативном регулировании отношений между исполнителем контракта на обслуживание государственной информационной системы и третьими лицами. Представлен анализ правовых последствий использования заказчиком контракта жизненного цикла в сфере обслуживания и развития государственных информационных систем. Выявлено отсутствие специальных правил, определяющих порядок выбора заказчиком способа конкурентной закупки, по итогам которой стороны заключают контракт на обслуживание и развитие государственной информационной системы. На основе проведенного исследования в статье сформулированы предложения, направленные на совершенствование российского законодательства о контрактной системе в сфере закупок.

Ключевые слова: единая информационная система в сфере закупок; контрактная система; конкуренция; цифровизация; электронные торги

Unified Information System in Procurement: Problems and Contradictions in the Regulatory Framework²

Philip A. Tasalov

Abstract: The unified information system in the field of procurement is one of the largest state information systems, the development of which determines the future of digitalization of procurement and efficiency of work, primarily of customers and participants in procurement. The article deals with the peculiarities of functioning of the unified information system in the field of procurement. The legal status of the operator of such a system is analyzed. The peculiarities of the conclusion and execution of the contract for the operation of the information system are established. The author examines the peculiarities of financing the services for such operation, considering the need to analyze the budget expenditures for the maintenance of a unified information system in procurement. The article substantiates the existence of gaps in the normative regulation of relations between the executor of the contract for the maintenance of the state information system and third parties. The analysis of legal consequences of the customer's use of life-cycle contracts in the sphere of maintenance and development of state information systems is presented. The article reveals the absence of specific rules that determine the order of customer's choice of competitive procurement method, on which results the parties conclude a contract for the maintenance and development of state information system. On the basis of the study, the article formulates proposals aimed at improving the Russian legislation on the contractual system in the field of procurement.

Keywords: electronic platform on procurement; government contract system; competition; digitalization; electronic bidding

¹ Тасалов Ф. А. Единая информационная система в сфере закупок: проблемы и противоречия в нормативном регулировании // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 1. 2022. С. 11–15.

² For Reference: Philip A. Tasalov. Unified Information System in Procurement: Problems and Contradictions in the Regulatory Framework // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 11–15.

Введение

Единая информационная система (далее также – ЕИС) ежедневно обеспечивает осуществление ее пользователями тысяч юридически значимых действий в сфере закупок, выступает звеном между заказчиком и участником закупки при проведении электронных процедур, позволяет осуществлять поэтапную цифровизацию всего цикла закупок.

Вместе с тем в законодательстве о контрактной системе остаются нерешенными проблемы правового положения оператора единой информационной системы, его ответственности, порядка заключения и исполнения контрактов на эксплуатацию системы, имеющей стратегическое значение не только для государственных и муниципальных закупок, но и для всего сегмента регулируемых закупок в России.

В законодательстве о контрактной системе остаются нерешенными проблемы правового положения оператора единой информационной системы, его ответственности, порядка заключения и исполнения контрактов на эксплуатацию системы, имеющей стратегическое значение для всего сегмента регулируемых закупок в России

Материалы и методы

Представленная статья основана на анализе изменений законодательства о контрактной системе с учетом необходимости исследования правового положения оператора ЕИС, его ответственности, порядка заключения и исполнения контрактов на эксплуатацию ЕИС. Использованные в статье данные систематизированы и обобщены по отдельным блокам.

Результаты

Отсутствует специальное нормативное регулирование правового положения операторов государственных информационных систем в сфере закупок, включая единую информационную систему. В Законе № 44-ФЗ не предусмотрены специальные правила заключения и исполнения контрактов, направленных на разработку, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и техническое обслуживание государственных информационных систем в сфере закупок, включая единую информационную систему.

Понятие единой информационной системы

В силу Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее также – Закон № 149-ФЗ) информационная система представляет собой набор информации, содержащейся в базах данных, а также информационных технологий и технических средств, обеспечивающих ее обработку (п. 3 ст. 2). Оператором информационной системы может выступать гражданин или юридическое лицо, эксплуатирующее систему, включая обработку информации, содержащейся в базе данных системы (п. 12 ст. 2).

В рамках Федерального закона от 5 марта 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее также – Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе) под единой информационной системой понимается совокупность информации, определенной Законом № 44-ФЗ, информационных технологий и технических средств, которые должны выполнять функции формирования, обработки, хранения и представления таких сведений (п. 9 ст. 3).

Можно без преувеличения утверждать, что ЕИС является крупнейшей в России государственной информационной системой, с которой по объему обрабатываемой и хранящейся информации не может конкурировать даже Единый портал государственных услуг.

Понятие оператора единой информационной системы

В силу ч. 2 ст. 13 Закона № 149-ФЗ оператором информационной системы может выступать собственник технических средств, необходимых для обработки информации в базах данных, либо лицо, с которым собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы. В отношении государственной информационной системы ее оператором выступает соответствующий государственный заказчик (ч. 5 ст. 14 Закона № 149-ФЗ).

Так, полномочиями по выработке функциональных требований к ЕИС, созданию, ведению, развитию, обслуживанию ЕИС правительство наделило Федеральное казначейство (Постановление Правительства РФ от 13 апреля 2017 г. № 442 «Об определении федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по выработке функциональных требований к единой информационной системе в сфере закупок, по созданию, развитию, ведению и обслуживанию единой информационной системы в сфере закупок, по установлению порядка регистрации в единой информационной системе в сфере закупок

и порядка пользования единой информационной системой в сфере закупок, а также на ведение единого реестра участников закупок, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 г. № 996). Реализация приведенных положений осуществляется за счет бюджетных средств, выделяемых Казначейству из федерального бюджета. Следовательно, Казначейство наделено правительством полномочием по управлению ЕИС.

Оператором ЕИС выступает федеральное казенное учреждение «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России». Лицом, осуществляющим эксплуатацию и развитие ЕИС, де-юре является не Федеральное казначейство, а участник закупки, с которым Центр по обеспечению деятельности Казначейства заключил государственный контракт по итогам закупки.

В 2017–2018 гг. таким лицом стало АО «РТ-Проектные технологии», дочернее общество государственной корпорации «Ростех», получившее право на развитие ЕИС по итогам закупки у единственного поставщика, стоимость работ составила 511 млн руб.

В течение 2019–2020 гг. на основании п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ акционерное общество «РТ-Проектные технологии» также выступало единственным поставщиком таких услуг, стоимость которых составила 424 млн руб.

С 30 декабря 2020 по 28 февраля 2022 г. оператором ЕИС стало АО «Ланит» по итогам электронного конкурса: сумма бюджетного финансирования, необходимого для развития ЕИС, составила 697 млн руб.

В итоге, примерный подсчет бюджетных средств, затраченных государством на развитие ЕИС в 2017–2020 гг., составил 935 млн руб., а с учетом предстоящих расходов на период до февраля 2022 г., общая сумма бюджетных расходов составляет уже 1 млрд 632 млн руб.

По данным Счетной палаты РФ, ежедневно ЕИС обрабатывает более 220 млн запросов пользователей; по состоянию на 2018 г. общий объем информации в ЕИС составил более 340 терабайт и показывает устойчивую тенденцию к росту (см.: Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2018 г. [1]). По итогам 2020 г. ЕИС обработала 1139 Тб информации, 70 млрд транзакций, с использованием ЕИС сторонами было заключено 5 млн контрактов, договоров, денежный объем которых составил 29 трлн руб.

Среди проблем в работе ЕИС Счетная палата отметила длительный период неработоспособности,

постоянные сбои и регламентные работы, которые составили до 21% всего времени функционирования ЕИС. По итогам мониторинга системы закупок за 2019 г. Счетная палата РФ пришла к выводу, что ЕИС не может использоваться как надежная основа для цифровизации закупок (см.: Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 г. [2]).

В случае претензий пользователей к работе ЕИС Казначейство может ссылаться на работу подведомственного казенного учреждения, а учреждение указывать на поставщика, который, в свою очередь, будет оправдываться недоработками самого заказчика.

Операторы государственных и муниципальных информационных систем не несут административной ответственности за сбои в их работе, длительные регламентные работы, блокирующие проведение электронных конкурентных закупок, ошибки, допускаемые в интеграции ЕИС с региональными и муниципальными информационными системами в сфере закупок (далее также – РМИС).

Оператор ЕИС и исполнитель контракта на обслуживание ЕИС

Несмотря на требование Закона № 149-ФЗ о том, что оператором государственных информационных систем всегда выступает государственный заказчик, Закон № 44-ФЗ допускает делегирование полномочий оператора публичной информационной системы от государственного заказчика к участнику закупки посредством проведения заказчиком закупки и заключения по ее итогам государственного контракта с исполнителем. В итоге, для правового положения оператора ЕИС свойственен двойственный характер: де-юре оператором таких систем выступает государственный заказчик, де-факто – участник закупки, с которым заказчик заключил контракт на разработку, ввод в эксплуатацию, поддержку и дальнейшее развитие ЕИС.

Между тем текущий правовой статус оператора ЕИС явно противоречит его роли, заключающейся не только в текущей технической поддержке работы ЕИС, но и в ее дальнейшем развитии. Позиция законодателя, приводящая к тому, что оператором ЕИС де-факто выступает участник закупки, не соответствует той фактической роли, которую играют такие поставщики в контрактной системе в сфере закупок.

Особенности заключения и исполнения контрактов на эксплуатацию ЕИС

С 21 февраля 2021 г. правительство расширило перечень случаев, когда заказчик вправе заключать контракты жизненного цикла. Теперь к таким случаям отнесено

выполнение работ по созданию, вводу в эксплуатацию, эксплуатации и выводу из такой эксплуатации информационных систем, программно-аппаратных комплексов и центров обработки данных (Постановление Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 160 «О внесении изменения в пункт 1 постановления Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1087»). Это позволяет Центру по обеспечению деятельности Казначейства проводить последующие закупки по отбору исполнителей, обеспечивающих разработку и развитие ЕИС, в рамках контрактов жизненного цикла, то есть долгосрочного договора, предмет которого охватывает весь комплекс услуг по сопровождению ЕИС, а региональным и муниципальным органам власти проводить такие закупки на развитие региональных, муниципальных информационных систем в сфере закупок.

Другая проблема законодательства о контрактной системе – отсутствие специальных правил, определяющих порядок выбора заказчиком способа закупки по отбору исполнителя на создание, эксплуатацию государственных и муниципальных информационных систем в сфере закупок

Принятая правительством мера будет способствовать дальнейшей монополизации рынка услуг по разработке, развитию и эксплуатации государственных и муниципальных информационных систем. Такой вывод следует из того, что контракт жизненного цикла, всегда выступая смешанным договором, направлен на установление долгосрочных договорных отношений между заказчиком и поставщиком, который обязан сопровождать информационную систему на всех стадиях ее жизненного цикла [3].

Другой проблемой законодательства о контрактной системе является отсутствие специальных правил, определяющих порядок выбора заказчиком способа закупки по отбору исполнителя на создание, эксплуатацию государственных и муниципальных информационных систем в сфере закупок. Сейчас в одних случаях это может быть закупка у единственного поставщика, основанная на бумажном документообороте, в других – электронная конкурентная процедура.

Единственной мерой воздействия на сторону контракта, направленного на развитие ЕИС является

неустойка, однако ее применение полностью зависит от заказчика, заключившего контракт. Утверждать в таких случаях о неустойке как о действенной мере, стимулирующей исполнителя по контракту к надлежащему исполнению контрактных обязательств, не приходится: размер санкций является минимальным, а их применение остается всегда на усмотрение заказчика, несмотря на практику органов финансового.

В Законе № 44-ФЗ отсутствует какое-либо регулирование отношений между исполнителем контракта на выполнение работ в сфере эксплуатации и развития государственных информационных систем в сфере закупок и привлекаемыми им для этого третьими лицами.

Единственным положением Закона № 44-ФЗ, применяемым в сфере отношений между исполнителем контракта и субподрядчиками, является требование об установлении заказчиком (оператором де-юре) условия о привлечении стороной контракта (оператором де-факто) на субподряд лиц из числа субъектов малого предпринимательства или социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее 5% цены контракта (Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 1466 «Об утверждении типовых условий контрактов, предусматривающих привлечение к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций»). Однако это типовое условие контракта, предусмотренное Законом № 44-ФЗ, вызывает в практике исполнения контрактов на разработку, ввод в эксплуатацию, поддержку государственных и муниципальных информационных систем в сфере закупок много вопросов.

Во-первых, не ясно, почему такие работы могут выполнять социально ориентированные некоммерческие организации, которые, исходя из специальной правоспособности [4], не имеют отношения к коммерческим разработкам в государственном и муниципальном ИТ-секторе. Во-вторых, Закон № 44-ФЗ не отвечает на вопрос, как заказчику (оператору) контролировать ход выполнения работ субподрядчиками, перечень которых заказчик (оператор) не может ограничить?

Так, например, государственный контракт, заключенный между Центром обеспечения деятельности Федерального казначейства и акционерным обществом «Ланит» на поддержку ЕИС от 30 декабря 2020 г. предусматривает обязанность общества передать на субподряд работы по развитию ЕИС, стоимость которых должна составлять не менее 20% цены контракта – 697 млн руб. Следовательно, исполнитель такого контракта в лице общества «Ланит» обязан направить

не менее 139 млн руб. субподрядчикам для выполнения работ по развитию ЕИС.

Вместе с тем Закон № 44-ФЗ не допускает проверку заказчиком субподрядчиков на предмет соответствия требованиям к участникам закупки, предусмотренным ст. 31 Закона № 44-ФЗ. Следовательно, к исполнению крупного государственного контракта, направленного на развитие центральной государственной информационной системы в сфере закупок, исполнитель такого контракта может привлекать любых лиц, главное, чтобы они имели статус малого бизнеса или являлись социально ориентированными некоммерческими организациями.

Другим последствием такого нормативного регулирования отношений между оператором (заказчиком), исполнителем и субподрядчиками в сфере государственной IT-сферы является создаваемая такими лицами видимость, имитация конкурентной борьбы.

Например, ничто не мешает акционерному обществу «Ланит» передать часть работ по развитию ЕИС акционерному обществу «РТ-Проектные технологии» и наоборот, если стороной контракта будут выступать уже «РТ-Проектные технологии». Это показывает, что рынок игроков в государственной IT-индустрии, обслуживающих IT-проекты с государственным финансированием, ограничен несколькими компаниями и «чужие»

здесь не встречаются. Не важно, кто выиграет контракт, важно с кем победитель поделится на субподряд.

Выводы

Законодательство о контрактной системе допускает размывание государственной функции управления единой информационной системой между федеральным органом исполнительной власти, которым выступает Казначейство России, подведомственным ему казенным учреждением и участниками закупок, выступающими стороной контракта на сопровождение и развитие ЕИС.

Постоянно возрастающий объем данных, агрегированных в ЕИС, необходимость совершенствования механизмов, направленных на защиту, обработку и хранение такой информации, позволяют утверждать, что в Законе № 44-ФЗ необходимо *de lege ferenda* выделение в качестве самостоятельного субъекта отношений в сфере контрактной системы оператора государственной (муниципальной) информационной системы в сфере публичных закупок с установлением требований к такому лицу по аналогии с операторами электронных площадок. Отсутствие такого специального правового положения у оператора ЕИС, простое распространение законодателем на такое лицо признаков правового положения участника закупки входит в противоречие с той фактической ролью, которую такое лицо играет в контрактной системе в сфере закупок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/promo/goszakupki-2018/report.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).
2. Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).
3. Белых В. С., Герасимов О. А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Механизм правового регулирования. История и современность. Екатеринбург, 2019. С. 45–59.
4. Белых В. С., Звездина Т. М. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства в науке предпринимательского права // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 4–10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тасалов Филипп Артемьевич

(Россия, Москва), кандидат юридических наук, руководитель управления по нормотворческой работе и правоприменительной практике ООО «РТС-тендер».

E-mail: ftasalov@gmail.com.

ORCID 0000-0001-6998-2880.

AUTHOR'S DETAILS

Philip A. Tasalov

(Russia, Moscow), Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Rule-Making and Law Enforcement Practice of “RTS-Tender”, LLC.

E-mail: ftasalov@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-6998-2880.

УДК 347.21

О новейшей судебной практике в сфере оборота криптовалют¹

Смирнов П. А., Файнгольд Д. Е.

Аннотация: В статье исследуются обстоятельства актуального гражданского дела, рассматриваемого судами общей юрисдикции. Истец по предложению ответчика заключил с ним договор, согласно которому передавал на основе срочности, возвратности, платности, 0,5 биткоина. Ответчик обязался использовать сумму займа строго по целевому назначению – для инвестирования на криптовалютном рынке. Ответчик обязался вернуть полученное, уплачивать проценты. Ответчик свои обязательства по возврату имущества не исполнил. Суд встал на сторону ответчика, обосновывая решение спорными аргументами, а именно: что криптовалюта не является объектом гражданских прав; что держатель криптовалюты не имеет права на судебную защиту даже при наличии оснований; что биткоин есть запрещённый законом денежный суррогат; что участники действительной сделки могут свободно не исполнять свои обязательства; и что биткоин не может быть признан иностранной валютой или валютной ценностью. В статье предлагаются контраргументы, основанные на нормах современного российского предпринимательского права.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, инвестиционный договор, предмет займа, исполнение обязательств, свобода договора, валюта

On the Latest Judicial Practice in the Field of Cryptocurrency Circulation²

Pavel A. Smirnov, Dmitriy E. Faingold

Abstract: The article examines the circumstances of an actual civil case considered by the courts of general jurisdiction. The plaintiff on the defendant's proposal concluded a contract with him, according to which he transferred 0.5 bitcoins on the basis of maturity, repayment, and payment. The defendant undertook to use the loan amount strictly for its intended purpose: to invest in the cryptocurrency market. The defendant undertook to repay what he had received and to pay the interest. The defendant failed to fulfill his obligation to return the property. The court sided with the defendant, justifying the decision with controversial arguments, namely, that cryptocurrency is not an object of civil rights; that cryptocurrency holder is not entitled to judicial protection even if there are grounds; that bitcoin is money surrogate prohibited by law; those participants of valid transaction are free not to fulfill their obligations; and that bitcoin cannot be recognized as foreign currency or currency value. The article offers counterarguments based on the norms of modern Russian business law.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, investment agreement, subject of loan, performance of obligations, freedom of contract, currency

Слово «криптовалюта» не является новым не только в научной сфере, но и в практике. Начиная с 2009 г., когда был запущен биткойн [1], в свет вышло огромное количество отечественных и иностранных публикаций, посвященных изучению понятия «криптовалюта» и разработке дальнейшего

правового регулирования криптовалюты. Однако, до настоящего времени должной правовой регламентации в России не существует. Данное обстоятельство является основанием для противоречивой судебной практики по вопросам, связанным с обращением криптовалюты.

¹ Ссылка для цитирования: Смирнов П. А., Файнгольд Д. Е. О новейшей судебной практике в сфере оборота криптовалют // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 1. С. 16–21.

² Pavel A. Smirnov, Dmitriy E. Faingold. On the Latest Judicial Practice in the Field of Cryptocurrency Circulation // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 16–21.

Рассмотрим некоторые дискуссионные вопросы в сфере оборота криптовалюты, возникшие в связи с решением Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбург от 7 июля 2021 г., а также постановлением Свердловского областного суда от 16 декабря 2021 г. по гражданскому делу № 2-2582/2021.

В ходе изучения обстоятельств дела было установлено, что между физическими лицами Б. и Л. заключён инвестиционный договор, в соответствии с которым инвестор Б. передаёт в собственность трейдеру Л. денежные средства в размере 0,5 биткоина на криптокошелёк трейдера, а трейдер обязуется вернуть инвестору сумму инвестиций в сроки и в порядке, предусмотренные договором. По условиям договора, сумма инвестиций считается возвращённой в момент возврата соответствующих денежных средств инвестору с учетом процентов, полученных в результате инвестиционной деятельности трейдера.

Однако, трейдер причитающуюся инвестору сумму не вернул, что послужило основанием для обращения последнего за судебной защитой. Разрешая дело, суды пришли к некоторым выводам, которые представляют собой предмет для обсуждения.

1. Криптовалюта не является объектом гражданских прав. Такой вывод суда первой инстанции не в полной мере соответствует реальности. В современном торговом обороте заключается достаточное количество сделок, объектом которых выступает биткоин [2].

При этом российское законодательство медленно, но верно идет по пути регламентации отношений, связанных с криптовалютами [3]. Так, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» внёс цифровые права в число объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), ввёл новую ст. 141-1 «Цифровые права». Согласно положениям п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе, передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Согласно п. 2 той же статьи, если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое, в соответствии с правилами информационной системы, имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые

предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. В соответствии с п. 3 ст. 141.1 ГК РФ, переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Кроме того, с 1 января 2021 г. в Российской Федерации действует Федеральный Закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В ст. 1 данного закона установлено, что следует понимать под цифровой валютой (криптовалютой). Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отноше-

---

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа

нии которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Тем самым, исходя из анализа вышеизложенного, биткоины следует расценивать как цифровые права в соответствии с п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Такой вывод также подтверждается существующей арбитражной судебной практикой. Так, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07/15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по банкротному делу № А40-124668/2017, определившее правовой статус первой криптовалюты – биткоина как «иного имущества» применительно к терминологии ст. 128 ГК РФ,

широко обсуждалось как прецедентное, как ориентир для понимания правового режима нового объекта права. Аргументация судебного акта имеет не специфически-банкротный, а общеправовой характер, со ссылкой на ст. 6, 18, 128 ГК РФ [3, с. 8].

2. Держатель криптовалюты не имеет права на судебную защиту даже при наличии оснований. Такой вывод суд сделал, исходя из трактования Информационных писем Центрального банка Российской Федерации от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» и от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)». Основное содержание данных документов сводится исключительно к предупреждению о потенциальной опасности вовлечения граждан в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Банк России информирует о том, что риски фиксации прав на «виртуальные валюты» (анонимность контрагентов, электронный документооборот) могут привести к финансовым потерям граждан и к невозможности защиты прав потребителей финансовых услуг в случае их нарушения. Такое предупреждение обосновано, т.к., если неизвестна личность контрагента, предъявить к нему иск, в соответствии с российским процессуальным законодательством, будет действительно невозможно. Поэтому, суд полагает, что все операции с использованием данного инструмента производятся участниками гражданского оборота на свой риск. Однако, такой вывод не связан с наличием или отсутствием процессуальных прав и обязанностей. Какого-либо запрета или ограничений иного характера информационные письма ЦБ РФ не содержат. В компетенцию Банка России не входит лишать или наделять кого-либо правом на судебную защиту.

Более того, отказ в судебной защите обоснованного требования не только не имеет опоры в законодательстве, но и прямо противоречит основным задачам гражданского судопроизводства, указанных в ст. 2 ГПК РФ. Кроме того, такой вывод, сделанный судом, не соответствует ст. 3 ГПК РФ, закрепляющей право любого заинтересованного лица на обращение в суд за защитой своего нарушенного права. Изъятий из этих правил применительно к держателям криптовалют ни закон, ни информационные письма Банка России не устанавливают.

Ведь именно суд, в отсутствие четкого государственного регулирования нового объекта прав, имеющего экономическую ценность и денежную оценку, уполномочен разрешить спор как того велит пункт 1

ст. 6 ГК РФ – в случаях, когда отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). А что делать суду при невозможности использования аналогии закона? Пункт 2 ст. 6 ГК РФ предусматривает, что в этом случае права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Таким образом, само по себе отсутствие исчерпывающего государственного регулирования отношений по обороту криптовалют не является основанием для отказа в судебной защите нарушенных гражданских прав [5, с. 512].

Уголовное право и уголовный процесс не видят трудностей, связанных с правовым статусом криптовалют, в делах по обвинению в незаконном обороте наркотиков, взяточничестве и т.д. [6, с. 14–15].

3. Биткойн – запрещённый денежный суррогат. Делая такой вывод, суд сослался на ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой, выпуск на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются. Содержание термина «денежный суррогат» до сих пор является предметом горячих споров. Обращение к истории показывает, что появление этого запрета в законодательстве РСФСР/СССР было связано с тем, что Российская Империя в 1916 г. объявила заменителями разменной монеты почтовые марки, Временное правительство летом 1917 г. объявило полноценными деньгами облигации «Займа свободы», а многочисленные правительства и правители периода Гражданской войны и интервенции выпускали «свои» денежные единицы. Как следствие, этими сомнительными знаками выплачивалась заработная плата, на граждан налагалась обязанность принимать эти разномастные бумажки в качестве оплаты за товары и услуги. Социалистическое государство, установив такой запрет, определило судьбу многочисленных «валют», выпущенных самозваными правителями и иностранными интервентами.

Применимость данного законодательного положения в деле под большим вопросом – ведь обязанность ответчика возратить сумму займа установлена в рублях РФ, цена иска также установлена в рублях РФ. И самое главное – биткойн в сделке не выступал в качестве средства платежа, в качестве встречного предоставления за товар, работу, услугу.

Управление Росфинмониторинга по УрФО было привлечено судом к участию в деле для дачи заключения по спорному договору. Согласно указанному заключению, со стороны надзорного органа сомнений в законности и действительности Инвестиционного договора не возникло.

Росфинмониторинг поставил вопрос о правомерности происхождения денежных средств (рублей), затраченных на приобретение биткоинов. В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции Истец в ответ на вышеуказанный вопрос надзорного органа представил доказательства добросовестности происхождения денежных средств в рублях, на которые в последующем были приобретены средства в криптовалюте биткоин для передачи их ответчику по договору. Однако это только подтверждает экономическую и денежную ценность биткоина, как имущества, включенного в гражданский оборот [7, с. 7–9].

4. Участники действительной сделки могут свободно не исполнять свои обязательства. Такой вывод суда является спорным по следующим обстоятельствам. Исходя из материалов дела, между сторонами был заключен инвестиционный договор. Инвестиционный договор прямо не предусмотрен Гражданским кодексом РФ. Он носит смешанный характер (п. 2 ст. 421 ГК РФ) и содержит в себе признаки нескольких договоров (п. 3 ст. 421 ГК РФ), в т.ч. договора займа и договора, заключенного, в соответствии с принципом свободы договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ). Но суд не применил положения гл. 42 ГК РФ, регламентирующие отношения в сфере заемных обязательств, а также нормы самого договора, в которых стороны определили свои обязательства, порядок и условия их исполнения (абз. 1 п. 4 ст. 421 ГК РФ). Вместе с тем, суд не применил положения ст. 431 ГК РФ, согласно которой, при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в п. 1 ст. 431 ГК РФ, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Так, в тексте договора неоднократно наряду со словом «инвестиции» в отношении его предмета – переданной ответчику криптовалюты – использовалось слово

«займ», а инвестор-истец именовался, как «Займодавец». Исходя из трактования содержания договора, буквальное значение содержащихся в вышеуказанном договоре слов и выражений, а также действительная воля сторон направлены на передачу криптовалюты с последующим возвратом и уплатой процентов за пользование средствами. Так, факт исполнения Б. своих обязательств по передаче 0,5 биткоина подтвержден материалами дела и никем из лиц, участвующих в деле, не оспаривался. Стороны подтвердили, что 0,5 биткоина передавались от истца к ответчику, и ответчик перечислял истцу установленные договором проценты до июля 2020 г.

Однако, суд не применил положения ст. 421, 431, гл. 42 ГК РФ и отказал истцу в защите нарушенного права. Тем самым суд отказался видеть в спорном договоре существенные условия договора займа, т.к. в ст. 807 ГК РФ не установлена прямая возможность передачи в займ криптовалют. При этом алгоритм действий суда, установленный ст. 6 и 421 ГК РФ на случай отсутствия законодательного регулирования конкретных отношений, не применен. То есть, объективно установив законность и действительность сделки, ссылаясь в решении на его текст, суд отказал в предоставлении судебной защиты по данной сделке.

Для обоснования своего отказа, суд сослался на ст. 1062 ГК РФ (гл. 58 «Проведение игр и пари»). Между тем, положения ст. 1062 ГК РФ не имеют к рассматриваемой ситуации никакого отношения и не должны применяться, поскольку заключенный договор не является биржевой сделкой.

Таким образом, единственным основанием для принятия решения об отказе в судебной защите стало не законодательство РФ, как того требует ГПК РФ, а ссылка на то, что «отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в виртуальной валюте, а также отсутствует какое-либо правовое регулирование торговых интернет-площадок, все операции с виртуальной валютой (криптовалютой) производятся их владельцами на свой страх и риск. Истец, согласившись с условиями договора инвестирования, принял на себя риск несения любой финансовой потери или ущерба, в связи с чем, его права не подлежат защите».

В судебных актах не содержится объяснений, почему такой вывод следует из договора, предусматривающего возвратность, срочность и платность пользования предметом сделки. В договоре нет указаний на принятие истцом риска несения любой финансовой потери или ущерба. Тем более речь не идет о принятии риска мошеннических действий со стороны ответчика.

А вот обязательство ответчика о возврате имущества – криптовалюты или его эквивалента в валюте Российской Федерации имеется.

Суд первой инстанции отказал в защите добросовестному участнику сделки и предоставил защиту ответчику, действовавшему недобросовестно, нарушившему условия заключенного договора.

Ситуация свидетельствует о важности государственного (законодательного) регулирования в сфере криптовалют, о важности разъяснений со стороны высшей судебной инстанции

Суд апелляционной инстанции посчитал, что «в силу положений ст. 807 ГК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 140, 141, 317 ГК РФ виртуальная валюта не может выступать объектом договора займа в качестве денежных средств, в качестве вещей, определенных родовыми признаками, в качестве иностранной валюты и валютных ценностей». Доводы истца о наличии между сторонами заемных отношений суд отклонил, поскольку предмет договора займа иной, а потому требования истца о возвращении ему денежных средств на основании норм гражданского законодательства о договоре займа, удовлетворению не подлежат. То обстоятельство, что истец заявил иски о взыскании денежной суммы, рассчитанной по курсу биткойна на момент вынесения решения, по мнению суда апелляционной инстанции, «подтверждает правильность выводов суда первой инстанции о характере заключенного сторонами инвестиционного договора и неприменимости положений законодательства, регулирующего заемные обязательства».

5. Биткойн не может быть признан иностранной валютой или валютной ценностью. Суд первой инстанции не исследовал вопрос о применении к отношениям сторон положений Федерального Закона № 173-ФЗ от 10 декабря 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле». Между тем, как 7 сентября

2021 г. биткойн является денежной единицей Республики Сальвадор и иностранной валютой в соответствии с положениями данного закона. Несмотря на то, что закон Республики Сальвадор о введении биткойна как национальной валюты на момент вынесения Решения еще не вступил в действие, но был уже принят, а потому было определено, что биткойну и, в соответствии с отечественным законодательством, предстоит получить статус денежного средства (как иностранной валюты) [4].

Апелляция отклонила доводы истца о применении законодательства о валютном регулировании и валютном контроле в связи с тем, что на момент заключения сторонами договора и передачи криптовалюты биткойн не был признан денежной единицей Республики Сальвадор.

Согласно вступившим в законную силу судебным актам деятельность, связанная с совершением сделок с криптовалютами, в целом определена как незаконная, судами в ответ на ходатайство истца не принято предусмотренных процессуальным законодательством мер, связанных с инициацией проверок деятельности ответчика, на профессиональной основе привлекающего средства в криптовалюту у добросовестных граждан и не возвращающего их в соответствии с достигнутыми договоренностями.

Тем самым суды невольно оказались на защите интересов недобросовестного участника гражданского оборота, и, по сути, выступили в качестве инструмента в руках ответчика, злоупотребившего доверием истца и присвоившего чужое имущество.

Пока судебная система проявляет осторожность при решении данных вопросов, при этом «наказывая» добросовестных держателей криптовалют, их недобросовестные контрагенты, завладевшие чужим имуществом, будут мотивированы на продолжение своей деятельности, и будут воспринимать суды, как своих пособников, позволяющих им безнаказанно совершать мошеннические действия с криптовалютой, причинять имущественный ущерб добросовестным гражданам. Ситуация свидетельствует о важности государственного (законодательного) регулирования в сфере криптовалют, о важности разъяснений со стороны высшей судебной инстанции [8, с. 15, 18].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна: пер. с англ. / Н. Поппер. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2016. 368 с.

2. Кузнецов В. А., Якубов А. В. О подходах в международном регулировании криптовалют (bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 20–29.

3. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 7–11.

4. Белых В. С., Степанченко А. В. К вопросу о понятии иностранной валюты как объекте гражданских прав. Гражданское право. 2017. № 5. С. 3–6.

5. Степанченко А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 510–519.

6. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 11–16.

7. Белых В. С., Егорова М. А., Решетникова С. Б. Биткоин: понятие и тенденции правового регулирования // Юрист. 2019. № 3. С. 4–11.

8. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнов Павел Анатольевич

(Россия, Екатеринбург), магистр частного права, юрист
ООО «КГ «Ардашев и Партнеры».
E-mail: pavel2055819@yandex.ru.

Файнгольд Дмитрий Ефимович

(Россия, Екатеринбург), магистр частного права, юрист
ООО «КГ «Ардашев и Партнеры».
E-mail: fde55@yandex.ru.

AUTHORS' DETAILS

Pavel A. Smirnov

(Russia, Ekaterinburg), Master of Law, lawyer at “GK “Arda-
shev and Partners”.
E-mail: pavel2055819@yandex.ru.

Dmitryi E. Faingold

(Russia, Ekaterinburg), Master of Law, lawyer at “GK “Arda-
shev and Partners”.
E-mail: fde55@yandex.ru.

УДК 347.77

Проблемы определения и имитации фирменного стиля предприятия¹

Косьяненко Е. М., Воробьев К. С.

Аннотация: Исследование направлено на анализ правового регулирования комплексного объекта конкурентного права, включающего в себя не только охраняемые, но и неохранные интеллектуальными правами элементы, в совокупности получающие защиту как фирменный стиль предприятия.

Результатами исследования стали выводы о необходимости охраны устоявшихся брендов от паразитирующих конкурентов путем уточнения определения понятий, установления критериев копирования, имитации или смешения с чужой деловой репутацией и границ введения в заблуждение потребителей относительно хозяйствующего субъекта, товаров, услуг и коммерческих обозначений. Экстерриториальность, массовая цифровизация бизнеса неумолимо повлечет взаимные претензии субъектов-конкурентов. Практическая значимость исследования заключается в дискуссионном характере выводов, учитывающая современные тенденции развития бизнеса в России. Научное значение имеет сравнительно-правовая часть работы, охватывающая примеры некоторых стран в вопросах защиты фирменного стиля предприятия. Статья может служить основой для дальнейшего изучения процедур правового регулирования, охраны и защиты прав на фирменный стиль организации, в том числе в эпоху цифровизации объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: фирменный стиль, средство индивидуализации, субъект-конкурент, смешение, защита конкуренции, имитация, подражание, копирование, недобросовестная конкуренция

Problems of Defining and Imitating the Corporate Identity of an Enterprise²

Elena M. Kosyanenko, Kirill Vorobyov

Abstract: The research is aimed at analyzing the legal regulation of a complex object of competition law, which includes not only protected, but also unprotected elements of intellectual property law, collectively receiving protection as a corporate identity of the enterprise.

The results of the study were conclusions about the need to protect established brands from parasitic competitors by clarifying the definition of concepts, establishing the criteria for copying, imitating or mixing with someone else's goodwill, and the boundaries of misleading the consumers about the business entity, goods, services and commercial designations. Extraterritoriality and mass digitalization of business will inevitably entail mutual claims of competing entities. The practical significance of the study lies in the debatable nature of the conclusions with respect to current trends in business development in Russia. The comparative legal part of the work is of scientific importance. It covers the examples of some countries in matters of protecting the corporate identity of the enterprise. The article can serve as a basis for further study of the procedures for legal regulation, and protection of the rights to the corporate identity of the organization, including in the era of digitalization of intellectual property objects.

Keywords: corporate identity, means of individualization, competitor, mixing, protection of competition, imitation, similarity, copying, unfair competition

¹ Ссылка для цитирования: Косьяненко Е. М., Воробьев К. С. Проблемы определения и имитации фирменного стиля предприятия // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 1. С. 22–27.

² For Reference: Elena M. Kosyanenko, Kirill Vorobyov. Problems of Defining and Imitating the Corporate Identity of an Enterprise // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 22–27.

Фирменный стиль предприятия по праву считается общепризнанной ценностью, имеющей как экономическое, так и гражданско-правовое значение. Единый образ делает компанию уникальной, узнаваемой, позволяет закрепить позиционирование в отрасли, создать благоприятную среду для формирования деловой репутации и профессионального имиджа. Такая самостоятельная идентифицирующая тактика является основой коммуникационной политики любого хозяйствующего субъекта, обеспечивающей целевое информирование потенциальных потребителей, а также визуальное и смысловое единство товаров и услуг конкретной организации на рынке.

Фирменный стиль включает целый комплекс маркетинговых способов воздействия на целевую аудиторию: информационных, психологических, аудио-визуальных, обонятельных, осязательных, цветовых, мультимедийных, виртуальных и других. Однако дефиниция фирменного стиля не получила раскрытия в российском и международном законодательстве и правоприменительной практике, что создает множество неблагоприятных последствий: недобросовестную мимикрию (копирование), сложности в определении легитимности частичного заимствования различных черт общеизвестных брендов (монополий), отсутствие возможности одномоментной фиксации перехода прав на фирменный стиль предприятия в целом как по договору, так и в порядке универсального правопреемства и другие специфические сложности правового регулирования.

Основными методами настоящего исследования будут выступать комплексный и сравнительно-правовой анализ норм институтов гражданского и конкурентного права России и иных стран, дедуктивный и индуктивный методы и общенаучные методы познания в виде анализа и синтеза, а также системного подхода к вопросу исследования.

Правовая дефиниция фирменного стиля законодательно не закреплена. Учитывая основную информационную направленность стратегии создания единого стиля для продвижения предприятия на рынке товаров и услуг, можно с уверенностью сказать, что фирменный стиль, как комплексный элемент, включается в понятие предпринимательского информационного блага, влияющего своим содержанием на коммерческую ценность предприятия, повышая ее стоимость [1, с. 11].

В доктрине под фирменным стилем понимается некая «совокупность словесных, визуальных, тактильных и иных элементов оформления товаров, средств коммуникации, которые обеспечивают единое восприятие товаров и всей иной исходящей от предпринимателя информации как принадлежащих именно ему»

[2, с. 17]. Согласно экономико-правовому энциклопедическому словарю, фирменный стиль – это система изобразительных, визуальных, информационных и других средств, с помощью которых фирма подчеркивает свою индивидуальность [3]. Исключительное право на фирменный стиль в трактовке Г. Ф. Шершеневича выглядело бы как «предоставление известным лицам исключительной возможности совершения известных действий с запрещением всем прочим возможности подражания» [4, с. 72].

Руководствуясь нормами четвертой части ГК РФ, можно утверждать о двух видах структурных элементов в составе фирменного стиля: в виде охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации и в виде иных неохранных интеллектуальным правом элементов. Следовательно условное абсолютное имущественное (как исключительное) право можно определить как особое право правообладателя использовать свой фирменный стиль в качестве комплексного средства индивиду-

---

Фирменный стиль включает целый комплекс маркетинговых способов воздействия на целевую аудиторию: информационных, психологических, аудио-визуальных, обонятельных, осязательных, цветовых, мультимедийных, виртуальных и других

ализации любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в дизайне фирменной одежды, в оформлении витрин, павильонов и торговых залов, на сайтах компании в сети «Интернет» и другими законными способами.

Правовые механизмы защиты фирменного стиля как комплексной модели продвижения бренда стали возможны с января 2016 г. после вступления в силу «Четвертого антимонопольного пакета» – Федерального закона от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 275-ФЗ). Тогда Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) дополнили гл. 2.1, которая закрепила новые виды недобросовестной конкуренции.

В настоящее время недобросовестной конкуренцией можно признать действия (бездействия) хозяйствующих субъектов, способных вызвать смешение с деятельностью субъекта-конкурента, в том числе копирование или имитацию внешнего вида товара, вводимого в гражданский оборот хозяйствующим субъектом-конкурентом, упаковки такого товара, его этикетки, наименования, цветовой гаммы, фирменного стиля в целом или иных элементов, индивидуализирующих хозяйствующего субъекта-конкурента и (или) его товар (п. 2 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции).

Смешение в том виде, в котором оно сформулировано в главе 2.1 закона, является относительно новой для законодательства РФ разновидностью недобросовестной конкуренции. Однако, подобный термин известен международному акту – Парижской конвенции по охране промышленной собственности. Согласно статье 10.bis(3) Парижской конвенции, подлежат запрету все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента.

Копирование и имитация внешнего вида товара разъясняется в п. 9.6 письма Федеральной антимонопольной службы от 24 декабря 2015 г. № ИА/74666/15 «О применении «четвертого антимонопольного пакета». Согласно данному письму, копированием внешнего вида изделия является воспроизведение внешнего вида изделия другого хозяйствующего субъекта (предпринимателя) и введение его в гражданский оборот. Имитация внешнего вида товара представляет собой своеобразное подражание товару конкурента с целью создания у покупателей впечатления о принадлежности таких товаров линейке имитируемых товаров. При этом из состава правонарушения исключено такое копирование, которое обусловлено исключительно функциональным применением товара.

В случае, когда субъект использует охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации своего конкурента, его действия могут быть одновременно квалифицированы и в качестве нарушения исключительного права, и в качестве недобросовестной конкуренции. В то же время действия по имитации внешнего вида товара, фирменного стиля и т. д. (согласно п. 2 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции) охватываются лишь конкурентным законодательством [5, с. 137].

В фирменный стиль в целом могут включаться как охраняемые законом средства индивидуализации (товарные знаки, знаки обслуживания, промышленные образцы, наименования места происхождения товара,

географические указания, коммерческие обозначения), так и неохраняемые элементы (внешний вид товара, упаковка товара, цветовая гамма, форма одежды, эмблемы, символы, девизы и др.). Более того, хозяйствующие субъекты имеют право защитить не только дизайн товаров, но и дизайн места оказания услуг, включая способ оформления помещения снаружи и внутри, витрин, складов и т. д. Следует заметить, что в отличие от помещения, вывески, как правило, охраняются в качестве средства индивидуализации компании, имеющего правовой режим коммерческого обозначения, фирменного наименования или товарного знака (знака обслуживания). Что нельзя сказать о фирменной одежде, являющейся важной составляющей фирменного стиля. Создание и использование одежды в фирменных цветах компании, с логотипами, эмблемами и символами (так называемый «trade dress») включается в бренд-стратегию и способствует как корпоративному духу работников, так и особому благоприятному впечатлению у потребителя. О защите фирменной корпоративной формы предприятия свидетельствует судебная практика. Так, например, суд разъяснил, что перечень примеров обстановки, приведенный в абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ, не является исчерпывающим, а значит фирменный стиль одежды сотрудника организации наряду с обстановкой служит объектом индивидуализации и определяет в глазах потребителя, кто именно является представителем организации [6].

Закон о защите конкуренции в целом не запрещает предпринимателям перенимать некоторые черты фирменного стиля других организаций. Недобросовестная конкуренция в виде неправомерного копирования – мимикрии возникает лишь в том случае, когда имеется риск умышленного введения потребителя (покупателя) в заблуждение относительно производителя товаров. Закон не определяет критерий, в соответствии с которым можно разграничить правомерное и неправомерное копирование, этот вопрос решается в индивидуальном порядке в каждой спорной ситуации Федеральной Антимонопольной Службой или судебными органами.

Так, например, при рассмотрении дела о недобросовестной конкуренции со стороны ПАО «МТС» оценивался общий фирменный стиль компании ПАО «Мегафон» [7]. Решением от 15 августа 2016 г. по делу № 1-14-67/00-08-16 комиссия Федеральной антимонопольной службы установила следующее: «На рассматриваемом товарном рынке цветовое решение имеет решающее значение для идентификации фирменного стиля компании». В результате заявление ПАО «Мегафон» было удовлетворено.

В другом деле комиссия Федеральной антимонопольной службы тщательно изучала фирменный стиль и логотип известной балетной школы Lilballetin, которая предусмотрительно составила руководство по оформлению фирменного стиля, руководство по проведению ремонтных работ и руководство по оформлению элементов декора, где присутствовали описание деталей и процесса оформления помещений школы, которые были чрезвычайно схожи с оформлением недобросовестных конкурентов. В результате конкуренты были привлечены к ответственности по ст. 14.6 Закона о защите конкуренции и по ст. 14.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8].

Однако следует заметить, что в случае сходства лишь одного элемента фирменного стиля, например, вывески торгового помещения, следует выбирать иной способ защиты. Так, в Решении Апелляционной коллегии ФАС России от 19 ноября 2018 г. по делу № 550/2017 указано, что само по себе использование конкурентом вывески с использованием красно-белой цветовой гаммы, аналогичной используемой при оформлении объектов торговой сети «Магнит», не указывает на возможность получения указанным лицом каких-либо преимуществ в рамках осуществления предпринимательской деятельности, а соответственно, не свидетельствует о нарушении хозяйствующим субъектом п. 2 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции. Необходимо оценивать используемый хозяйствующим субъектом фирменный стиль в целом, а не отдельные его элементы [9].

Важно отметить, что подобные категории дел носят исключительно оценочный характер [10, с. 14] и при решении вопроса о копировании или имитации имеет значение субъективное мнение судей или уполномоченного органа. Поэтому доказательства смещения должны быть наглядными, опросы респондентов для определения мнения должны содержать конкретные и понятные вопросы.

Отдельного внимания заслуживают способы охраны «содержания через форму». Например, таким образом можно защищать эксклюзивное сочетание ароматических компонентов, присущих конкретному средству, когда охрана его в качестве изобретения не была предоставлена или истекла, что чрезвычайно важно в парфюмерии [11, с. 1131–1149]. Регистрация товарного знака, как правило, остается безуспешной. Защита в качестве изобретения, по аналогии с фармацевтическими препаратами, предоставляется на ограниченный срок охраны и при этом не в полной мере защищает «эксклюзивный аромат» как таковой. В связи с этим защита аромата и внешнего вида упаковки через конкурентное

законодательство является наиболее рациональной для охраны аромата.

Легального разделения понятий допустимого или недопустимого, неправомерного копирования – «недобросовестной мимикрии» – в законе не содержится, но, несмотря на это, существует широкое практическое распространение данного явления, во многом схожего с институтом недобросовестной конкуренции. Как указывает О. Шенкар, внешне две упаковки могут быть очень похожи, но, если провести анализ упаковки «имитатора» путем выделения составных частей, возникают трудности, связанные с обозначением одинаковых элементов, составляющих комплексный дизайн товара или услуг [12, с. 16].

До настоящего момента не разработан единый подход к обозначению противоправности конкурентной мимикрии. На наш взгляд, она должна выражаться в направленности получения значительных экономических преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, в способности причинения убытков конкуренту. Данное обстоятельство может подтверждаться финансовыми документами, бухгалтерскими данными пострадавшей стороны, свидетельствующими о том, что продажи товаров заявителя понизились с момента появления на рынке спорного товара и т.д. Подобные действия могут быть элементом масштабного корпоративного конфликта [13, с. 156–159].

Ключевыми способами решения данной проблемы являются установление единой политики определения «недобросовестной мимикрии» и ее легальное определение для установления конкретных случаев наступления противоправного поведения. Необходима так же законодательная, теоретическая и правоприменительная работа над проблемами правовой регламентации фирменного стиля.

При сравнительно-правовом анализе зарубежной регламентации вопроса, предлагаем обратиться к практике США. В американской правовой системе наиболее близкими к «фирменному стилю» понятиями выступают термины «brand name» (в значении имидж), «trade dress», а также «brand book» (например, руководство Apple Identity Guidelines For Channel Affiliates and Apple-Certified Individuals является типичным образцом «Brand Book»).

«Brand book» представляет собой руководство с правилами и примерами использования фирменного стиля в отношении: торгового знака, логотипа; цветовых решений и элементов дизайна; шрифтов; документации и визиток; фирменного бланка; фирменных наклеек; маркировки образцов печати; одежды и элементов интерьера; вывесок. Влияние таких локальных актов

как «brand book» (или «corporate identity») на американскую корпоративную действительность достаточно важно. Фирменный стиль «trade dress» по американским требованиям не должен носить функциональный (практический) характер. Это означает, что цветовые решения, использование специфических материалов, определенный узнаваемый дизайн, которые составляют «trade dress» не должны служить исключительно практической пользе. Данный объект права подлежит охране и защите без какой-либо официальной регистрации в патентном ведомстве США. Американские суды, оценивая охраноспособность «trade dress», руководствуются теми же критериями, которые применяются при защите товарных знаков [14].

Отсутствие регистрации части объектов, включаемых в общий перечень фирменных знаков, не влияет на охраноспособность фирменного стиля в целом

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что американское законодательство и судебная практика не предусматривают комплексную охрану столь широкой юридической категории как фирменный стиль. Используется упрощенная практика закрепления прав на отдельные ее составляющие за определенным предприятием, что влияет на судебную защиту таких прав.

В странах общего права для защиты бренда от паразитирующего хозяйствующего субъекта предусмотрен специальный иск «passing off». Под данным термином понимается деликт в виде нарушения чужой деловой репутации («goodwill») посредством введения в заблуждение потребителей относительно субъекта, товаров, услуг и использования коммерческих обозначений. Следует заметить, что по мере развития данного института защиты в таких зарубежных странах как

Англия и Австралия, «у истца отпала необходимость доказывать, что сфера его предпринимательской деятельности совпадает со сферой активности ответчика». Иск «passing off» позволяет правообладателю, «опираясь на «goodwill» или ценную репутацию пресекать любые попытки иных компаний сформировать у потребителей ассоциации с его бизнесом» [5, с. 138].

В качестве выводов, можно сказать, что создание фирменного стиля должно быть целостным, комплексным действием, основанным на интеллектуально-правовых объектах и результатах интеллектуальной деятельности правообладателя. Учитывая сложную ситуацию в предпринимательской сфере в период пандемии 2019–2021 годов, стремление крупного бизнеса перейти в цифровые форматы и раздвинуть границы привычной сферы деятельности, необходимо особо внимательно относиться к своим элементам фирменного стиля и к охраняемым комплексам деловой репутации своих конкурентов. Диверсификация производства или расширение сферы услуг при устоявшемся едином стиле предприятия может повлечь нарушения прав других участников рынка, с которыми ранее хозяйствующий субъект не сталкивался.

Отсутствие регистрации части объектов, включаемых в общий перечень фирменных знаков, не влияет на охраноспособность фирменного стиля в целом. Российское конкурентное право не допускает использование фирменного стиля в недобросовестных нарушающих конкуренцию целях. При этом закон не определяет критерий, в соответствии с которым можно разграничить правомерное незначительное смешение и неправомерное копирование, этот вопрос решается в каждом случае индивидуально.

При существующей сегодня свободе в дефинитивном правовом определении фирменного стиля предприятия возможны злоупотребления. Необходимо точнее обозначать границы правомерности и неправомерности, проводить легитимацию понятий, теоретическую и правоприменительную деятельность, связанную с разработкой и регламентацией фирменного стиля в информационном правовом обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Косьяненко Е. М. Информация как гражданско-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2009.
2. Филиппова С. Ю., Харитоновна Ю. С. Имидж коммерсанта: правовое регулирование и способы охраны. М., 2018.
3. Экономика и право: словарь-справочник / под ред. Л. П. Куракова, В. Л. Куракова, А. Л. Куракова. М., 2004.
4. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 72.
5. Ворожевич А. С. Защита брендов: стратегии, системы, методы: учебное пособие для магистров. М., 2017. 144 с.

6. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 февраля 2013 г. по делу № А05-11666/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (дата обращения: 30.01.2022).

7. Решение Федеральной Антимонопольной Службы РФ от 15.08.2016 г. по делу № 1-14-67/00-08-16, [Электронный ресурс]. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-reklamy-i-nedobrosovestnoy-konkurentsii/ak-56196-16> (дата обращения: 30.01.2022).

8. Решение Новосибирского УФАС от 28 июля 2020 г. по делу № 054/01/14.6-358/2020 // База решений и правовых актов ФАС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/novosibirskoe-ufas-rossii/bf67b331-6a4e-4544-856c-3cc3e7dbad06> (дата обращения 12.02.2022).

9. Решение Апелляционной коллегии ФАС РФ от 19 ноября 2018 г. по делу № 550/2017 // База решений и правовых актов ФАС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/pravovoe-upravlenie/sp-93877-18/?query=550/2017> (дата обращения 12.02.2022).

10. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.03. М., 2010.

11. Montalvo Witzburg F. Protecting Fashion: A Comparative Analysis of Fashion Design Protection in the United States and the European Union // *The Trademark Reporter*. 2017. № 6. Ст. 1131–1149.

12. Шенкар О. Имитаторы. Как компании заимствуют и перерабатывают чужие идеи. М., 2011. С. 16.

13. Цуканова, Е. Ю., Селивра, М. Н. Корпоративный конфликт: проблемы современного понимания // *Право и практика*. 2020. № 2. С. 156–159.

14. Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Bros., Inc., 529 U.S. 205 (2000) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/99-150.ZO.html> (дата обращения: 25.01.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Косьяненко Елена Михайловна

(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

E-mail: ekosyanenko@yandex.ru.

ORCID: 000-0002-4209-7328.

Воробьев Кирилл

(Россия, Екатеринбург), студент 4 курса Института Прокуратуры УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

E-mail: kirill.vorobev09@gmail.com.

AUTHORS' DETAILS

Elena M. Kosyanenko

(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: ekosyanenko@yandex.ru.

ORCID: 000-0002-4209-7328.

Kirill Vorobyov

(Russia, Ekaterinburg), 4th year student of the Institute of Prosecutor's Office, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: kirill.vorobev09@gmail.com.

УДК 345.56

Цифровые финансовые активы в делах о банкротстве¹

Кушнарев А. С., Пучков В. О.

Аннотация: В данной статье анализируется новый объект гражданского права – цифровые финансовые активы. Основная проблема, затронутая автором, касается вопроса соответствия цифровых активов необходимым признакам для их включения в конкурсную массу. Для этого автор использует доктринальный подход к определению конкурсной массы как имущества «в широком смысле». В статье приводятся различные точки зрения определения места цифровых финансовых активов в системе объектов гражданского права. Особо авторы выделяют подход, в соответствии с которым цифровые активы только лишь меняют форму объекта, при этом не меняя сам объект, приводя пример с законодательством Люксембурга, где обычные ценные бумаги приравнены в правовом регулировании с цифровыми ценными бумагами. В связи с этим авторы рассуждают о целесообразности придания цифровым активам статуса самостоятельных объектов. В заключении делается акцент на актуальных проблемах правоприменения.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, банкротство, конкурсная масса должника, объект гражданского права

Digital Financial Assets in Bankruptcy Cases²

Aleksandr S. Kushnarev, Vladislav O. Puchkov

Abstract: This article analyzes a new object of civil law – digital financial assets. The main problem raised by the author concerns the issue of compliance of digital assets with the necessary characteristics for their inclusion in the bankruptcy estate. For this purpose, the author uses a doctrinal approach to the definition of the bankruptcy estate as property “in the broad sense”. The article contains different points of view on the place of digital financial assets in the system of civil law objects. The authors highlight the approach according to which digital assets only change the form of the object, without changing the object itself, citing the example of Luxemburg legislation, where ordinary securities are equal to digital securities in legal regulation. In this regard, the authors speculate on the advisability of giving digital assets the status of independent objects. The conclusion focuses on current problems of law enforcement.

Keywords: digital financial assets, digital rights, bankruptcy, debtor’s bankruptcy estate, object of civil law

Понятие конкурсной массы несостоятельного должника является одной из основных категорий конкурсного права. В процедурах несостоятельности при осуществлении расчетов с кредиторами взыскание обращается на конкурсную массу. Легальное определение конкурсной массы в ст. 131 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1] дается посредством указания на то, что конкурсная масса представляет собой имущество должника, которое имелось у него к моменту введения конкурсного производства,

а также появилось в ходе процедур несостоятельности (банкротства). На наш взгляд, понятие конкурсной массы как недостаточно исследовано в доктрине, так и не вполне корректно раскрыто в законодательстве. Имущество является лишь одной из разновидностей экономически ценных объектов гражданских прав, помимо которого существуют оказание услуг, результаты интеллектуальной деятельности и др. Поскольку легальное понятие конкурсной массы связано с понятием имущества, необходимо обратиться к понятию

¹ Ссылка для цитирования: Кушнарев А. С., Пучков В. О. Цифровые финансовые активы в делах о банкротстве // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 1. С. 28–31.

² For Reference: Aleksandr S. Kushnarev, Vladislav O. Puchkov. Digital Financial Assets in Bankruptcy Cases // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 28–31.

имущества, которое используется в законодательстве. Применительно к конкурсной массе следовало бы использовать понятие имущество в широком смысле – как совокупность вещей, имущественных прав и обязательств, т.е. его активов. Однако, как известно, в 2020 г. в гражданское законодательство Российской Федерации ввели новый объект гражданских правоотношений – цифровые финансовые активы. В связи с этим необходимо определить юридическую природу цифровых активов и установить, могут ли они включаться в конкурсную массу должника в качестве имущества?

Для начала следует обратиться к доктринальным суждениям о юридической природе цифровых активов. Так, А. В. Саженов считает, что правовая природа цифровых активов может быть определена посредством отнесения их к вещам, что позволяет включить этот объект в традиционную систему вещных и обязательственных правоотношений [2, с. 157–180]. Любопытной представляется точка зрения Л. Г. Ефимовой, которая считает, что цифровые активы не могут быть отнесены ни к вещам, ни к имущественным правам, они являются объектами абсолютного цифрового права, обозначенного в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ [3, с. 17–25]. Раз уж речь зашла о цифровых правах, то стоит обратиться к легальному определению понятия «цифровые активы». Так, в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] закреплено, что цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Как мы видим, законодатель определяет цифровые активы как цифровые права. Но, в таком случае возникает вопрос, который уже не один год поднимается в юридической науке, – есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского оборота [5, с. 86–95]? Создание цифровой формы того или иного объекта оборота, как правило, не меняет его природы. Например, учет акций на блокчейне не делает их особым цифровым активом. В этом смысле представляется правильным подход Парламента Люксембурга, который в 2019 г. уравнивал юридический статус обычных ценных бумаг и ценных бумаг, выпущенных с использованием технологии блокчейн. Следовательно, «перевод» традиционных объектов в цифровую форму, как правило, принципиально не меняет характера регулирования. Но если перемещение объектов гражданского права в цифровую среду в большинстве случаев не меняет их правовой природы

и не приводит к созданию нового («вторичного» объекта), существует ли необходимость в конструкции особого объекта гражданского права – «цифрового права», и если такая потребность существует, то какие признаки позволяют рассматривать цифровое право в качестве самостоятельного, не сводимого к уже известным объектам [6, с. 179–192]? Включение в Гражданский кодекс Российской Федерации [7] ст. 141.1. «Цифровые права» свидетельствует о том, что отечественный законодатель определяет цифровое право, как самостоятельный объект гражданского права.

Однако, применительно к институту банкротства возникает вопрос: насколько оправданна новелла Гражданского кодекса, в силу которой цифровые права признаются особым видом «иного» имущества – имуще-

---

Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг

ственными правами? А могут ли цифровые права, которые относят к имущественным правам, рассматриваться и иначе? Например, как безналичные денежные средства и ценные бумаги? Или же это результаты интеллектуальной деятельности?

Любопытным представляется вопрос о соотношении цифровых финансовых активов, цифровых прав и цифровой валюты. Вообще, цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе, которые могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющегося денежной единицей. Понятие цифровой валюты позволяет применять его цифровым финансовым активам, выпущенным как в российских информационных системах под надзором Центрального банка Российской Федерации, так и вне его надзора, например, биткоин [8, с. 637–642]. В таком случае, если цифровые финансовые активы являются цифровой валютой, то они могут быть включены в состав конкурсной массы должника, так как на основании ст. 2 Федерального

закона «О несостоятельности (банкротстве)» цифровая валюта признается имуществом. Однако стоит ли ставить знак равенства между законодательными формулировками признается и является? Основное существо данной проблемы во-многом в понятийном аппарате, которые представляется во-многом противоречивым и несогласованным. Это порождает массу проблем применительно к спорам в банкротстве, из-за чего страдают и кредиторы, и должник, и арбитражный управляющий, который слабо понимает, как эти цифровые финансовые активы в дальнейшем реализовывать.

Для наглядности поставленной проблемы обратимся к судебной практике. Так определением Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2018 г. по делу № А-40-124668/2017 финансовому управляющему было отказано в удовлетворении требования о разрешении разногласия между финансовым управляющим и гражданином-должником И. И. Царьковым относительно включения содержимого криптокошелька в конкурсную массу гражданина-должника И. И. Царькова. В данном деле суд первой инстанции исходил из того, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Как мы видим, суд исходит из сугубо позитивистского подхода – отсутствие упоминания криптовалюты в действующих законодательных актах, а также нахождение данных цифровых активов вне правового поля на территории Российской Федерации является основанием, в связи с которым криптовалюта не может быть включена в конкурсную массу. Однако, финансовый управляющий был не согласен с определением суда и обратился в Девятый арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой, в которой требовал включить содержимое криптокошелька должника в состав конкурсной массы. Арбитражный апелляционный суд удовлетворил требование финансового управляющего, мотивируя это следующим:

В ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относится такое понятие как «иное имущество, содержание которого не раскрыто в действующем законодательстве и с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. В связи с чем суд апелляционной инстанции установил, что криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации иначе как иное имущество. На основании этих рассуждений Девятый арбитражный апелляционный суд постановил

включить финансовые активы (криптовалюта) гражданина И. И. Царькова в состав конкурсной массы должника. Таким образом, можно сделать вывод, что сходная методология была положена в основу новелл Закона о цифровых финансовых активах относительно гражданско-правовой природы криптовалюты.

Как упоминалось ранее, большинство судов до внесения изменений в закон о банкротстве (в части того, что криптовалюта признается имуществом) при принятии решений ограничивались формальным подходом к квалификации цифровых активов, в связи с чем не включали их в состав конкурсной массы. Однако, на наш взгляд, это не может являться основанием для ущемления прав кредиторов. Если не учитывать данный факт, то это может стать поводом для недобросовестного поведения должников. Недобросовестные должники начнут повсеместно переводить свое имущество в цифровые финансовые активы, избегая таким образом расчетов с кредиторами. Так, в материалах дела № А40-12639/2016, рассмотренного 22 ноября 2016 г. в Арбитражном суде города Москвы, говорится, что должник совершил отчуждение своей доли в праве общей собственности в пользу О. А. Давыдовой, однако, вырученные от реализации имущества денежные средства в конкурсную массу не поступили. На данные денежные средства должник приобрел доли в имуществе криптовалюты (биткойн). Тогда финансовый управляющий обратился к должнику с требованием о передачи данных цифровых активов в конкурсную массу. Однако данные требования не были исполнены должником, в связи с чем финансовый управляющий обратился в суд с требованием включить криптовалюту должника в состав конкурсной массы, но Арбитражным судом города Москвы было отказано в удовлетворении требования финансового управляющего на основании отсутствия упоминания цифровых финансовых активов среди объектов гражданского права. Таким образом, это служит ярким примером необходимости включения цифровых активов в состав конкурсной массы.

Однако помимо проблемы включения цифровых активов в состав конкурсной массы должника существует и проблема определения прав на цифровые финансовые активы, что обусловлено отсутствием контроля со стороны государства за информационной системой, в которой они созданы, где совершаются их транзакции как объектов, имеющих определенную ценность. Включение цифровых активов в конкурсную массу предполагает прежде всего согласие несостоятельного должника на выдачу кода доступа для входа в информационную систему для доступа к кошельку, в котором хранятся цифровые финансовые активы. При неполучении

согласия должника доступ в информационную систему для арбитражного управляющего будет закрыт, а исполнение судебных актов о включении цифровых активов не достигается ввиду невозможности установления прав на данные финансовые активы [9, с. 37–43].

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось высказать и свою точку зрения. На наш взгляд, цифровые финансовые активы должны включаться в конкурсную массу должника и должны быть законодательно закреплены как обыкновенные имущественные права, так как принципиальной разницы между цифровыми правами и обыкновенными имущественными правами нет. Ведь все виды цифровых финансовых активов, будь то криптовалюта, либо же токены, самостоятельными объектами права не являются,

существуют лишь права на них. Тут можно привести аналогию с доменным именем. Доменное имя не является отдельным объектом гражданского права, это лишь совокупность прав и обязанностей. Поэтому, нет существенных препятствий мыслить также и применительно к цифровым финансовым активам. Важнейший вопрос юридических гарантий правообладателей цифровых активов и роли государства остается открытым, а отсутствие в доктрине единой концепции соотношений анализируемых в статье понятий и критериев их разграничения по-прежнему не позволяет в полной мере уяснить содержание указанных понятий и с точностью определить – подлежат ли цифровые финансовые активы включению в состав конкурсной массы должника или нет?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 октября 2002 г. № 43. Ст. 4190.
2. Саженов А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография. М.: Статут, 2019. С. 157–180.
3. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
5. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Правовая сущность новых цифровых прав // Закон. 2018. № 8. С. 136–153.
6. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Столярова Д. В. Проблемы правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в России // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 637–642.
9. Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 7. С. 37–43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кушнарев Александр Сергеевич

(Россия, Екатеринбург), студент 2 курса Уральского государственного юридического университета.

E-mail: kushnarev-02@list.ru, ORCID: 0000-0002-7433-1473.

Пучков Владислав Олегович

(Россия, Екатеринбург), магистр частного права, ассистент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета.

E-mail: v.o.puchkov@uslu.su, ORCID: 0000-0002-0700-1562.

AUTHORS' DETAILS

Alexander S. Kushnarev

(Russia, Yekaterinburg), 2nd year student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: kushnarev-02@list.ru, ORCID: 0000-0002-7433-1473.

Vladislav O. Puchkov

(Russia, Yekaterinburg), Master of Private Law, Assistant of the Department of Local Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: v.o.puchkov@uslu.su, ORCID: 0000-0002-0700-1562.

УДК 343.535.1

Сравнительный анализ судебного и внесудебного банкротства¹

Адрова П. О.

Аннотация: Начиная с 2015 г., законодательство о несостоятельности претерпело существенные изменения, которые положительно повлияли на российскую экономику. В настоящей статье рассматриваются поправки, внесенные в Закон о несостоятельности (банкротстве), касающиеся внесудебного банкротства граждан. Автором проанализированы научные подходы к пониманию правовой природы внесудебного банкротства в качестве самостоятельной процедуры, которые им ставятся под сомнение. В работе проводится сравнительный анализ процедур судебного и внесудебного банкротства, определяются их сходства и различия по ряду характеристик таких как: порядок подачи и рассмотрения заявления, сроки, лица, участвующие в деле, наличие ограничений и др. Уделяется внимание проблемам наделяния полномочиями по ведению внесудебного банкротства многофункциональными центрами, контроля за деятельностью должника после введения процедуры, соблюдения интересов кредиторов при отсутствии арбитражного управляющего. Анализируются положения, регламентирующие внесудебное банкротство, в сравнении с исполнительным производством. Приводятся обоснование тезиса о том, что внесудебное банкротство представляет собой легитимное списание задолженности без проведения предусмотренных Законом о банкротстве действий по выявлению имущества должника и погашению требований кредиторов. Предлагается рассматривать внесудебное банкротство в качестве собой особой процедуры, состоящей из нескольких этапов: подготовительного и основного.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), внесудебное банкротство, процедура банкротства, банкротство граждан, исполнительное производство

Comparative Analysis of Judicial and Out-of-Court Bankruptcy²

Polina O. Adrova

Abstract: Since 2015, the legislation on insolvency has undergone significant changes that have had a positive impact on the Russian economy. This article examines the amendments made to the Law on Insolvency (Bankruptcy) concerning the out-of-court bankruptcy of citizens. The author analyzes the scientific approaches to understanding of the legal nature of out-of-court bankruptcy as an independent procedure, which he places in question. The paper provides a comparative analysis of judicial and out-of-court bankruptcy procedures, and defines their similarities and differences in a number of characteristics such as: the order of filing and consideration of the application, terms, persons involved in the case, the presence of restrictions, and etc. Attention is paid to the problems of empowerment of multifunctional centers to conduct out-of-court bankruptcy, control of debtor's activities after the introduction of the procedure, and observance of creditors' interests in the absence of a bankruptcy trustee. The provisions governing out-of-court bankruptcy are analyzed in comparison with the enforcement proceedings. The substantiation of the thesis that out-of-court bankruptcy is a legitimate write-off of debts without carrying out the actions provided by the Law on bankruptcy to identify the debtor's property and repay creditors' claims is given. It is proposed to consider out-of-court bankruptcy as a special procedure consisting of several stages: preparatory and main.

Keywords: insolvency (bankruptcy), out-of-court bankruptcy, bankruptcy procedure, bankruptcy of citizens, enforcement proceedings

С 2015 г. в российское законодательство о несостоятельности были включены нормы, регулирующие банкротство граждан. После пяти лет применения положений гл. X Закона о банкротстве законодателем приняты

поправки, предоставляющие гражданам возможность списать задолженность через внесудебное банкротство. Как отметила С. А. Карелина, «в условиях нестабильности рыночной экономики государство обязано уделять

¹ Ссылка для цитирования: Адрова П. О. Сравнительный анализ судебного и внесудебного банкротства // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 1. С. 32–35.

² For Reference: Polina O. Adrova. Comparative Analysis of Judicial and Out-of-Court Bankruptcy // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 32–35.

повышенное внимание защите имущественных прав наиболее уязвимых слоев населения» [1].

Экономически нововведение обусловлено отсутствием у должников денежных средств и имущества, достаточного для несения расходов по оплате государственной пошлины, вознаграждения финансовому управляющему и для погашения судебных расходов. По мнению инициатора поправок Н. П. Николаева, «судебное рассмотрение таких дел о банкротстве является трудоемким, малоэффективным и дорогостоящим» [2], но при этом не решает основной задачи – пропорционального погашения требований кредиторов. В подавляющем большинстве случаев кредиторы ничего не получают в процедуре реализации имущества, а реструктуризация долгов должника на практике применяется редко.

По мнению И. В. Фролова, «внесудебное банкротство гражданина является самостоятельной процедурой банкротства гражданина, даже несмотря на то, что в ст. 213.2 Закона о банкротстве все еще не содержится упоминаний об этом». Также им предложена «последовательность процедур банкротства: внесудебное банкротство гражданина (абз. 2 ст. 2 Закона о банкротстве); реструктуризация долгов гражданина (абз. 1 п. 3 ст. 223.5 Закона о банкротстве); реализация имущества гражданина; мировое соглашение» [3].

По нашему мнению, внесудебное банкротство не является как таковой процедурой банкротства гражданина, ввиду его несоответствия целям проведения судебных процедур.

Напомним, что до внесения изменений, касающихся внесудебного банкротства, несостоятельность (банкротство) рассматривалась в качестве «признанной арбитражным судом ... неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов».

На сегодняшний день под несостоятельностью понимается не только признанная арбитражным судом, но и «наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства неспособность должника», иными словами, несостоятельность гражданина является результатом завершения внесудебного банкротства.

Е. Е. Уксусова в своей работе указывает, что «содержательное расширение базового понятия вызывает возражения. Это связано с природой процедуры, поскольку в итоге мы видим придание процедуре того смысла, что образует лишь отправление правосудия как функция судебной власти, приравнивание процедуры (по сути и формально-юридически) к явлению иного порядка – юрисдикционной деятельности органа правосудия по делу о банкротстве посредством вынесения судебного решения и последующих соответствующих судебных

актов (п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве). Такая позиция видится ошибочной и, более того, не имеет оснований с позиций конституционных положений» [4].

До внесения изменений Закон о банкротстве предусматривал единственную возможность подать заявление о банкротстве гражданина через арбитражный суд, который проверяет обоснованность заявления и принимает решение о введении в отношении должника определенной процедуры банкротства гражданина: реструктуризация долгов, реализация имущества, мирового соглашения.

Во внесудебном банкротстве заявление рассматривается многофункциональным центром (далее по тексту – «МФЦ»), оно подается по месту нахождения заявителя. МФЦ наделено полномочиями по возврату заявления, прекращению или завершению процесса внесудебного банкротства, и фактически принимает решение о признании/непризнании должника банкротом.

Считаем, что указанный подход законодателя нельзя считать оправданным. С одной стороны передача данных полномочий МФЦ должно снять нагрузку с арбитражных судов, а с другой стороны «такая структура как МФЦ не может являться органом, который сможет качественно провести процедуру с точки зрения

Внесудебное банкротство не является как таковой процедурой банкротства гражданина, ввиду его несоответствия целям проведения судебных процедур

разграничения граждан на тех, кто соответствует требованиям законодательства и действительно нуждается в такой процедуре и тех, кто воспользуется ситуацией и при юридическом соответствии требованиям закона, по сути решит законным способом не исполнять имеющиеся у него долговые обязательства, продолжая при этом быть вполне кредитоспособными» [5. с. 171].

Судебное банкротство граждан представляет собой комплекс мер, направленных на достижение определенных целей, в соответствии с применяемой в отношении должника процедурой.

К таким мерам можно отнести уведомление кредиторов, анализ финансового состояния должника, определение наличия или отсутствия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, выявление и реализация имущества, анализ сделок должника и их оспаривание и т.д.

Все указанные меры направлены на достижение целей, установленных Законом о банкротстве – восстановление платежеспособности, соразмерное погашение требований кредиторов, заключение мирового соглашения между должником и кредиторами.

Из анализа положений Закона о банкротстве следует, что указанные выше меры к внесудебному банкротству не применяются. Это связано с тем, что все действия, направленные на удовлетворение требований кредиторов (поиск имущества должника, получение информации о его счетах, арест денежных средств, ограничение выезда, оценка и реализация имущества и т.д.), совершаются в рамках исполнительного производства. После подачи заявления указанные меры в отношении должника уже не применяются.

Статья 223.2 Закона о банкротстве закрепляет условия для подачи заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке, к которым в том числе относятся: наличие окончательного исполнительного производства в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю на основании п. 4 ч. 1 ст. 46 (отсутствие у должника имущества, за счет которого может быть погашена задолженность) ФЗ № 229-ФЗ от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве» (независимо от объема и состава требований взыскателя); отсутствие иного возбужденного после возвращения исполнительного документа взыскателю исполнительного производства.

Внесудебное банкротство, также, как и процедуры банкротства, носит срочный характер. Однако, в отличие от судебных процедур, возможность продления которых предусмотрена действующим законом, оно вводится на шесть месяцев без права продления указанного срока (ст. 223.6 Закона о банкротстве). Для должника это является более простым и быстрым способом для списания задолженности, что, на наш взгляд, расходится с интересами кредиторов. Аналогичной точки зрения придерживается Е. П. Путинцева [6].

Как известно, в процедурах банкротства граждан ключевой фигурой является арбитражный управляющий. Именно на него законодатель возлагает проведение мероприятий по формированию конкурсной массы, соразмерному удовлетворению требований кредиторов и целый ряд других прав и обязанностей. При реализации внесудебного банкротства фигура арбитражного управляющего отсутствует как таковая; отдельными его полномочиями наделяются совершенно иные лица. Так, публикацию сообщений, проверку соответствия заявления должника и данных службы судебных приставов осуществляет МФЦ, запросы о наличии

у должника имущества, оспаривание сделок осуществляют кредиторы.

Для многих граждан существенную роль при принятии решения о признании себя банкротом играет наличие возможности финансирования процедур. Подавляющее большинство заявлений о банкротстве подают сами должники, следовательно, они несут все сопутствующие расходы.

Для введения в отношении должника судебной процедуры банкротства должнику необходимо оплатить государственную пошлину, внести на депозит арбитражного суда денежные средства в размере 25 000 руб. – вознаграждение финансового управляющего, а также необходимо наличие средств либо имущества на расходы, связанные с проведением процедуры банкротства (публикации, почта и т.п.). В случае с внесудебным банкротством все наоборот. Данная процедура является бесплатной для должника, все расходы на публикации и запросы возложены на государство.

Несмотря на различия, судебное и внесудебное банкротство имеют сходство, касающееся последствий введения процедуры банкротства, например: мораторий на удовлетворение требований кредиторов, со дня публикации срок исполнения возникших до дня включения таких сведений считается наступившим, прекращение начисления неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина; запрет направления исполнительного документа в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем; приостановление исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям с гражданина. Все эти правила распространяются только на тех кредиторов, которых должник указал в своем заявлении, на остальных кредиторов последствия введения не распространяются.

Введение в отношении должника внесудебного банкротства влечет за собой ограничения в виде запрета в течение срока процедуры совершать сделки по получению займов, кредитов, выдаче поручительств и иные обеспечительные сделки. Однако, если в судебных процедурах контроль за исполнением ограничений осуществляет финансовый управляющий, то в процедуре внесудебного банкротства проверку сведений, предоставленных гражданином, проводит МФЦ, но только на момент рассмотрения заявления, в последующем соответствие должника требованиям закона не производится. В случае невыполнения гражданином условий, предусмотренных для подачи заявления о внесудебном банкротстве, в отношении должника данная процедура может быть окончена либо введено судебное банкротство.

Таким образом, проведя сравнительный анализ судебных процедур и внесудебного банкротства, мы делаем вывод, что последнее представляет собой легитимное списание задолженности без проведения предусмотренных Законом о банкротстве действий по выявлению имущества должника и погашению требований кредиторов. По мнению Е. Е. Уксусовой, «внесудебную процедуру можно скорее признать исключительным внесудебным заявительным механизмом освобождения граждан от исполнения долговых обязательств с участием административного органа».

По нашему мнению, внесудебное банкротство следует определять, как особую процедуру, которая включает в себя подготовительный этап, в виде исполнительного производства, и основной – списание задолженности с должника, к которому возможно перейти только после проведения судебным приставом всех действий, направленных на принудительное исполнение законных документов.

Представляется, что внесудебная процедура является относительно бесконтрольным механизмом списания задолженности. Это выражается в отсутствии персональных уведомлений кредиторам, ограничений по счетам должника, контроля за имуществом должника и его супруга(ги). Единственная возможность, предоставленная законодателем кредиторам для защиты своих интересов, заключается в получении информации из государственных органов об имуществе должника, а, в случае наличия оснований, и оспаривании сделки в арбитражном суде. Кроме того, как показывает практика, внесудебное банкротство не пользуется большим спросом у самих должников, поскольку введение данной процедуры в некоторых случаях невозможно, так как у гражданина имеется источник дохода (например, пенсия или пособия), в связи с чем, исполнительное производство не может быть окончено, что в свою очередь, противоречит условиям подачи заявления на внесудебное банкротство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зайцев О., Мифтахутдинов Р., Юхнин А., Карелина С., Сердитова Е., Пацация М., Уксусова Е., Ястржембский И., Архипов Д., Пермяков О., Константинов Д., Строев Н., Бабкин О. Внесудебное банкротство // Закон. 2020. № 9. С. 21–38.
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства граждан.
3. Фролов И. В. Внесудебное банкротство гражданина и его влияние на специфику и особенности возбуждения и рассмотрения дела о признании гражданина банкротом в судебном порядке // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1. С. 3–9.
4. Зайцев О., Мифтахутдинов Р., Юхнин А., Карелина С., Сердитова Е., Пацация М., Уксусова Е., Ястржембский И., Архипов Д., Пермяков О., Константинов Д., Строев Н., Бабкин О. Внесудебное банкротство // Закон. 2020. № 9. С. 21–38.
5. Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. В. Проблемные аспекты процедуры внесудебного банкротства граждан в Российской Федерации // Экономика и право. 2020. № 12. С. 169–172.
6. Путинцева Е. П. Особенности процедуры внесудебного банкротства граждан // Нотариальный вестник. 2021. № 2. С. 28–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адрова Полина Олеговна

(Россия, Екатеринбург), арбитражный управляющий, член Союза «Уральская саморегулируемая организация арбитражных управляющих».

E-mail: adrova_arbitr@bk.ru.

ORCID 0000-0002-0798-0764.

AUTHOR'S DETAILS

Polina O. Adrova

(Russia, Ekaterinburg), trustee in bankruptcy, member of the Union “Urals Self-Regulated Organization of Arbitration Managers”.

E-mail: adrova_arbitr@bk.ru.

ORCID 0000-0002-0798-0764.

УДК 347.34

Правовая природа института замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе¹

Зверев М. А.

Аннотация: В статье рассматривается институт замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе. На основании анализа нормативной базы и доктрины гражданского процесса делаются важные выводы о понятии ненадлежащего ответчика и правовой природе института замены ненадлежащего ответчика. Автор делает вывод о том, что ненадлежащего ответчика нужно понимать как ответчика, который не имеет связи со спорным материальным правоотношением. Рассматриваются возможные взгляды на правовую природу института замены ненадлежащего ответчика, делается вывод, что данный правовой институт является разновидностью распорядительного права ответчика. На основании сделанных теоретических выводов делаются важные практические выводы: замена ненадлежащего ответчика на надлежащего возможна не только на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и рассмотрению дела в суде первой инстанции; возможно заменить одного ненадлежащего ответчика на нескольких и наоборот. Институт замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе сравнивается с аналогичным институтом в административном и арбитражном процессе. Делается вывод о необходимости заимствования правового регулирования рассматриваемого института в арбитражном процессе в гражданский процесс, а именно того, что в арбитражном процессе предусмотрена возможность привлечения надлежащего ответчика в качестве второго ответчика. Подобный механизм регулирования дает истцу и суду (с согласия истца) дополнительный вариант действий при спорной ситуации, когда определение надлежащего ответчика представляется затруднительным.

Ключевые слова: гражданский процесс, ненадлежащий ответчик, замена ненадлежащего ответчика, субъективные права, распорядительные права, арбитражный процесс, административный процесс

Legal Nature of the Institution of Replacing an Improper Defendant in Civil Proceedings²

Mikhail A. Zverev

Abstract: The article discusses the institution of replacing an improper defendant in a civil procedure. Based on the analysis of the regulatory framework and the doctrine of civil procedure, important conclusions are drawn about the concept of an improper defendant and the legal nature of the institution of replacing an improper defendant. The author concludes that the improper defendant should be understood as a defendant who has no connection with the disputed substantial legal relationship. The author considers possible views on the legal nature of the institution of replacing an improper defendant; it is concluded that this legal institution is a kind of regulatory right of the defendant. Based on the theoretical conclusions, essential practical conclusions are drawn: the replacement of an improper defendant with a proper one is possible not only at the stage of preparing the case for trial and consideration of the case in the court of first instance; it is possible to replace one inappropriate defendant with several ones and vice versa. The institution of replacement of an improper defendant in civil procedure is compared with a similar institution in administrative and commercial procedure. It is concluded that it is necessary to adopt the legal regulation of the institution in question in the arbitration process into the civil process, namely, that the arbitration process provides for the possibility of attracting a proper defendant as a second defendant. Such a mechanism of regulation gives the plaintiff and the court (with the consent of the plaintiff) an additional option for action in a disputable situation, when it is difficult to determine the appropriate defendant.

¹ Ссылка для цитирования: Зверев М. А. Правовая природа института замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе // Бизнес, менеджмент и право. 2021. № 4. С. 36–41.

² For Reference: Mikhail A. Zverev. Legal Nature of the Institution of Replacing an Improper Defendant in Civil Proceedings // Business, Management and Law. 2021. № 4. P. 36–41.

Key words: civil procedure, improper defendant, replacement of an improper defendant, subjective rights, regulatory rights, arbitration procedure, administrative procedure

Введение

Надлежащими сторонами в гражданском процессуальном праве принято называть действительных участников гражданского судопроизводства по конкретному делу. Соответственно процедура установления и доказывания надлежащего характера сторон называется легитимацией. Поскольку сторонами в процессе является соответственно истец и ответчик, легитимация подразделяется на активную (на стороне истца) и пассивную (на стороне ответчика).

Одними из основных принципов современного российского гражданского процесса являются принципы диспозитивности и состязательности, поэтому именно на истце лежит обязанность легитимации сторон в процессе. Он должен доказать, что ему принадлежит оспариваемое право, а также, что именно указанный им в иске ответчик обязан отвечать по исковым требованиям. Легитимация истца сводится к верификации личности истца или полномочий представителя истца (если вместо истца в процессе выступает его представитель). Суд не может заменить одного истца на другого, поэтому практических вопросов по активной легитимации в гражданском процессе не возникает.

Интерес представляет пассивная легитимация, то есть вопрос о том является ли данный ответчик надлежащим или нет и какие правовые последствия следуют за заменой ненадлежащего ответчика на надлежащего. Именно этому вопросу посвящена данная работа.

Материалами настоящего исследования послужили: нормативная база (процессуальные законы РФ) и достижения российской доктрины гражданского процесса.

Основная часть

Для начала следует остановиться на важных доктринальных вопросах. Существующее правовое регулирование данного вопроса закреплено в статье 41 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ): «Суд при подготовке дела или во время его разбирательства в суде первой инстанции может допустить по ходатайству или с согласия истца замену ненадлежащего ответчика надлежащим» [1]. На доктринальном уровне возникает два важных вопроса, связанных с этой нормой:

- кто такой ненадлежащий ответчик;
- какова правовая природа института замены ненадлежащего ответчика?

Статья 47 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) прямо указывает: «иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску» [2].

Тем самым арбитражное процессуальное законодательство указывает на связь со спорным материальным правоотношением как на критерий надлежащего/ненадлежащего ответчика (то есть ненадлежащий ответчик – это субъект гражданских правоотношений, который в случае удовлетворения исковых требований не сможет выполнить возложенную на него судом обязанность, поскольку не обладает должной связью со спорным материальным правоотношением). Такой подход встречается и в доктрине гражданского процесса: «В литературе под ненадлежащим ответчиком предлагалось, в частности, понимать ответчика, «в отношении которого иск включается во время производства по делу существовавшее в момент возбуждения процесса предположение о его материально-правовой ответственности по предъявленному иску»» [3].

Целью гражданского судопроизводства является «защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан» [1], поэтому возмож-

---

Однозначно можно сказать, что замена ответчика – это не отказ от иска

ность ответчика выполнить обязанность по исполнению судебного решения в случае удовлетворения исковых требований (то есть связь со спорным материальным правоотношением) видится правильным подходом в ответе на вопрос «Кто такой ненадлежащий ответчик».

Второй вопрос вызывает значительно больше противоречий в науке гражданского процесса. Мы считаем возможным выделить три подхода к правовой природе института замены ненадлежащего ответчика:

- субъективное право истца;
- особая разновидность субъективных прав истца, а именно, распорядительное право;
- правомочие суда.

Однозначно можно сказать, что замена ответчика – это не отказ от иска. Замена ответчика не лишает истца возможности повторно обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов с теми же требованиями к надлежащему ответчику. Это обусловлено уже упомянутой целью гражданского процесса (защита нарушенных или оспариваемых прав граждан), тем обстоятельством, что основание повторного иска не будет тождественно первоначальному иску (двумя

составными частями иска являются предмет и основание). Такой подход можно обнаружить в судебной практике [4].

Касательно подхода к замене ответчика как к правомочию суда, следует отметить, что суд самостоятельно не может заменить ненадлежащего ответчика по своему усмотрению, необходимо получить согласие истца. Это положение прямо следует из действующего правового регулирования: «В случае, если истец не согласен на замену ненадлежащего ответчика другим лицом, суд рассматривает дело по предъявленному иску» [1]. Такое положение законодательства обусловлено состязательным началом российского гражданского процесса. Регулирование этого вопроса советским законодательством существенно отличалось, явно прослеживались следственные начала гражданского судопроизводства, руководящая роль суда. Заклучалось это в том, что, несмотря на отсутствие согласия со стороны истца суд мог привлечь это лицо в качестве второго ответчика: «Если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд может привлечь это лицо в качестве второго ответчика» [5]. Таким образом, исходя из базовых принципов российского гражданского судопроизводства (а именно, состязательности и диспозитивности) замена ненадлежащего ответчика не может считаться правомочием суда.

Из перечисленных мной возможных подходов остались два: субъективное право истца или особая разновидность таких прав: распорядительное право. Взгляд на замену ненадлежащего ответчика как на распорядительное право кажется логичным по следующим причинам:

Во-первых, замена ненадлежащего ответчика является закрепленным в ГПК РФ субъективным процессуальным правом [1].

Во-вторых, «Реализация распорядительного права возможна лишь при легитимации такового судом» [6]. Для реализации этого права требуется легитимация со стороны суда: «Суд... может допустить по ходатайству или с согласия истца замену ненадлежащего ответчика надлежащим» [1]. Замена ответчика не является обязанностью суда.

В-третьих, «Реализация распорядительного права производится путем совершения активных действий субъекта» [6]. Чтобы заменить ненадлежащего ответчика истец заявляет ходатайство – это активное процессуальное действие. Дача согласия истцом суду на замену ненадлежащего ответчика также может рассматриваться как активное процессуальное действие, поскольку такое согласие должно быть явным.

В-четвертых, очевидна тесная связь замены ненадлежащего ответчика с предъявляемыми исковыми

требованиями. Цель предъявления иска в суд – принудить ответчика, поэтому фигура ответчика, его возможность отвечать по исковым требованиям имеет первостепенное значение. Конституционный Суд РФ в своем Определении от 24 октября 2013 г. № 1626-О указал, что: «...только истец определяет, защищать ему или нет свое нарушенное или оспариваемое право, к кому предъявлять иск и в каком объеме требовать от суда защиты» [7]. Таким образом, Конституционный суд ставит в один ряд очевидные распорядительные права (отказ от иска или возможность заключить мировое соглашение, возможность снижать или увеличивать размер исковых требований) и субъекта, которому эти исковые требования предъявляются (ответчик). Е. Р. Русинова считает распорядительными правами право истца на отзыв искового заявления, право на отказ от иска, право на изменения иска и так далее [8].

В-пятых, действия по замене ненадлежащего ответчика производятся в процессуальной форме, предусмотренной для процессуального закрепления распорядительных действия сторон. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 гласит, что «Замену ненадлежащего ответчика и действия, связанные с заменой, необходимо отразить в протоколе... Эти действия следует совершать по правилам статьи 152 ГПК РФ» [9]. Статья, к которой отсылает Верховный суд РФ регулирует предварительное судебное заседание, которое направлено на процессуальное закрепление распорядительных действий сторон.

В-шестых, влияние на процесс. Подобно другим распорядительным правам, право на замену ненадлежащего ответчика оказывает существенное влияние на процесс: «После замены ненадлежащего ответчика надлежащим подготовка и рассмотрение дела производятся с самого начала» [1].

Взгляд на институт замены ненадлежащего ответчика как на распорядительное право имеет важные практические последствия, а именно, укрепление принципа диспозитивности в гражданском процессе, ослабление следственных начал и укрепление состязательности в гражданском судопроизводстве.

К сожалению, существующая судебная практика свидетельствует о том, что понимание замены ненадлежащего ответчика как распорядительного права возможно только на доктринальном уровне. Инструментом, которым, к сожалению, довольно часто пользуются в ситуации отсутствия согласия истца на замену ненадлежащего ответчика, является оставление искового заявления без движения (с указанием истцу на наличие нарушений по правилам ст. 131 ГПК РФ [1]).

Подобная практика встречается довольно часто. Иногда такие судебные решения признаются подлежащими отмене в случае обжалования [10].

Ответ на поставленные доктринальные вопросы имеет важное значение для разрешения практических вопросов, которые возникают при использовании института замены ненадлежащего ответчика. Подобные практические вопросы можно разделить на две группы: ответ на которые зависит от понимания фигуры ненадлежащего ответчика и от понимания правовой природы замены такого ответчика.

К вопросам первой группы можно отнести следующие.

1. Только ли при подготовке дела или рассмотрении его судом первой инстанции можно заменить ненадлежащего ответчика? Учитывая то, что надлежащий ответчик – это субъект, который сможет отвечать по исковым требованиям в случае удовлетворения таковых (то есть обладает связью со спорным материальным правоотношением), ответ должен быть отрицательным. В отдельных случаях представляется возможным произвести подобную замену в суде апелляционной инстанции: «Если в обстоятельствах не разобралась первая инстанция, замена может произойти при рассмотрении дела в апелляционном суде... Чтобы получить информацию о наследниках, суд апелляционной инстанции сделал запрос нотариусу и получил сведения о лицах, которые получили свидетельство о праве на наследство [11].

2. Возможно ли заменить одного ненадлежащего ответчика на нескольких и наоборот? Исходя из указанного выше критерия (связь со спорным материальным правоотношением) и целью гражданского судопроизводства (защита и восстановление нарушенного права), ответ должен быть положительным: «Не исключено, что носителями спорной юридической обязанности выступят несколько лиц, которыми может быть заменен один ненадлежащий ответчик» [3].

К вопросам второй группы можно отнести следующие.

1. Можно ли заменить истца на надлежащего? При взгляде на механизм ст. 41 ГПК как на распорядительное право истца очевидным будет отрицательный ответ. Только на стадии возбуждения гражданского дела суд может принять решения принимать или нет исковое заявление. В ходе самого процесса (начиная с подготовки дела к судебному разбирательству) замена истца по решению суда невозможна.

2. Может ли суд сам менять ответчика? Как уже было отмечено выше, замена ненадлежащего ответчика не является правом суда, необходимо согласие истца.

3. Если ненадлежащий ответчик был надлежащим, но он уже был заменен, возможно ли вернуть его в процесс? Как уже было отмечено выше, замена ненадлежащего ответчика не является отказом от иска, материальное требование само по себе не перестает существовать, поэтому ответ должен быть положительным: «Замена ненадлежащего ответчика не препятствует повторному привлечению такого ответчика в процесс» [3].

Помимо доктринальных и практических вопросов по данной тематике особый интерес представляет сравнение института замены ненадлежащего ответчика в гражданском, арбитражном и административном производстве.

При рассмотрении этого института в административном и арбитражном процессе можно отметить, что в целом законодательное регулирование идентично: ст. 43 КАС РФ и ст. 47 АПК РФ приписывают тот же механизм: при подготовке дела или рассмотрении в суде первой инстанции; согласие истца на замену ненадлежащего ответчика на надлежащего.

Если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд может с согласия истца привлечь это лицо в качестве второго ответчика

Исключение состоит лишь в том, что механизм ст. 43 КАС РФ больше напоминает правомочие суда, чем распорядительное право истца: у суда есть возможность без согласия истца привлечь надлежащего ответчика в качестве второго ответчика: «суд может без согласия административного истца привлечь это лицо в качестве второго административного ответчика» [12]. Подобная процессуальная норма справедливо критикуется доктриной административного права: «правило ч. 1 ст. 43 КАС РФ вступает в существенное противоречие с составительным началом» [13].

При рассмотрении этого института в арбитражном процессе следует отметить одну процессуальную особенность: «Если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд может с согласия истца привлечь это лицо в качестве второго ответчика» [2]. Возможность привлечения надлежащего ответчика в качестве второго ответчика дает истцу и суду (с согласия истца) дополнительный вариант действий при спорной ситуации, когда определение надлежащего ответчика представляется затруднительным. Отличие этой нормы от КАС РФ состоит в том, что подобное привлечение в качестве

второго ответчика не ущемляет принцип диспозитивности и состязательное начало арбитражного процесса: необходимость получения согласия истца на привлечение в качестве второго ответчика. Подобный механизм видится нам более успешным. Корректировка ст. 41 ГПК РФ подобным положением (п. 2 ст. 47 АПК РФ) будет иметь позитивные последствия для гражданского судопроизводства.

Выводы

Замена ненадлежащего ответчика является частью более масштабной процедуры: легитимации. Несмотря на то, что данный механизм известен отечественному правопорядку довольно давно (норма ст. 41 ГПК РФ довольно схожа с текстом ГПК РСФСР 1964 г.), несовершенство легальных формулировок и сложившейся судебной практики порождает важные доктринальные вопросы, от правильного понимания которых зависит ответ на ряд практических вопросов, возникающих при замене ненадлежащего ответчика. Во-первых, что представляет собой фигура ненадлежащего ответчика? Исходя из анализа нормативной базы и доктрины, мы предлагаем применять критерий связи со спорным материальным правоотношением при ответе на этот

вопрос: ненадлежащий ответчик – это субъект, который в случае удовлетворения исковых требований не сможет выполнить решение суда, поскольку не имеет должной связи со спорным материальным правоотношением. Во-вторых, какова правовая природа замены ненадлежащего ответчика. Взгляд на этот институт как на распорядительное право истца кажется нам наиболее верным, несмотря на то, что существующая правоприменительная практика не вполне позволяет сделать такой вывод. Сравнение механизма ст. 41 ГПК РФ с заменой ненадлежащего ответчика в административном и арбитражном процессе позволяет сделать вывод о схожести механизмов. Правовое регулирование данного вопроса арбитражным процессуальным законодательством видится наиболее удачным и корректировка ст. 41 ГПК РФ положением о том, что: «Если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд может с согласия истца привлечь это лицо в качестве второго ответчика» [2] предоставит истцу дополнительные процессуальные возможности при сохранении состязательных начал в гражданском процессе и принципа диспозитивности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Юдин А. В. Проблемы института замены ненадлежащего ответчика в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2017 г. по делу № 33-28498/2017 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11.06.1964 (ред. от 31.12.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175.
6. Вараксин А. Е. О понятии и признаках распорядительного права в гражданском судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17. СПС «КонсультантПлюс»
7. Определение Конституционного суда РФ от 24.10.2013 г. № 1626-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грязнова Николая Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
8. Русинова Е. Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук, 12:00:15. Екатеринбург. 2003.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 11 в ред. от 09.02.2012 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «Консультант Плюс»
10. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 17.02.2016 г. по делу № 33-832/2016 // СПС «Консультант Плюс»
11. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 23.06.2017 по делу № 33-4626/2017 // СПС «Консультант Плюс»

12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

13. Абушенко Д. Б. Замена ненадлежащего административного ответчика: дискуссионные вопросы // Закон. № 7. 2016. СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Михаил Александрович

(Россия, Москва), стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории исследований в области защиты государственных интересов в условиях экономических санкций НИУ ВШЭ.

E-mail: mzverev2000@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-7648-5030.

AUTHOR'S DETAILS

Mikhail A. Zverev

(Russia, Moscow), intern-researcher at the Scientific Laboratory for Research in the Field of Protecting State Interests in the Context of Economic Sanctions, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: mzverev2000@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-7648-5030.

УДК 346.3

Агентский договор в английском праве¹

Белых В. С.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы: понятие и виды агентского договора, заключение агентского договора, исполнение агентского договора. Отмечается, что агентский договор является универсальным соглашением, сочетающим модели договоров поручения и комиссии. В статье проводится сравнительный анализ конструкций агентского договора по праву Англии и России. Рассмотрены признаки агентского договора, в частности: субъектный состав (агент и принципал). Особое внимание уделяется особенностям заключения и исполнения агентского договора. Так, возникновение агентских отношений происходит по разным основаниям. В статье раскрыты основные права и обязанности сторон по исполнению агентского договора.

Ключевые слова: агентский договор, виды договоров, признаки агентского договора, субъекты агентского договора, заключение агентского договора, исполнение агентского договора

Agency Contract in English Law²

Vladimir S. Belykh

Abstract: This article deals with topical issues: the concept and types of the agency agreement, the conclusion of the agency agreement, and the execution of the agency agreement. It is noted that the agency contract is a universal agreement that combines the models of contracts of agency and commission. In article the comparative analysis of designs of the agency contract under the law of England and Russia is carried out. The features of the agency contract are considered, in particular: the subject composition (agent and principal). Special attention is given to features of concluding and performing the agency contract. Thus, emergence of agency relations occurs on different grounds. The article reveals the basic rights and obligations of the parties in the performance of the agency contract.

Keywords: agency agreement, types of contracts, signs of the agency agreement, subjects of the agency agreement, conclusion of the agency agreement, performance of the agency agreement

1. Понятие и виды агентского договора. Под агентским договором (the contract of agency) понимается договор о совершении одним лицом (агентом) действий по поручению и за счет другого лица (принципала). При этом указанные действия могут быть как юридического, так и фактического порядка. В Англии по сравнению с континентальным правом, в том числе правом России, нет договора поручения и договора комиссии [1, р. 165–183].

Как видно, агентский договор является универсальным соглашением, сочетающим модели договоров поручения и комиссии. Для сравнения: Гражданский

кодекс РФ (ст. 1005) содержит правило о том, что по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. Напротив, по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия (ст. 971 ГК РФ). В свою очередь, по договору комиссии одна сторона (комиссионер) обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или

¹ Ссылка для цитирования: Белых В. С. Агентский договор в английском праве // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 1. С. 42–46.

² For Reference: Vladimir S. Belykh. Agency Contract in English Law // Business, Management and Law. 2022. № 2. P. 42–46.

несколько сделок от своего имени, но за счет комитента (ст. 990 ГК РФ). Итак, предмет агентского договора, которым ограничиваются все его существенные условия, состоит в описании порученных принципалом агенту определенных юридических и фактических действий. При этом последние в силу своей специфики и невозможности конкретного описания могут быть обозначены целью их совершения (маркетинговое исследование для сбыта/приобретения определенного вида товаров, поиск потенциальных продавцов/покупателей товара, сбор и подача документов, необходимых для получения лицензии и пр.). Их согласование – достаточное основание для вывода о заключенности договора применительно к нормам ст. 432 ГК РФ [2, с. 414].

Рассмотрим признаки агентского договора. Начнем с субъектного состава. Агент – это лицо, которое совершает те или иные действия по поручению принципала. При этом агент действует от имени принципала либо от своего. В качестве агента и принципала могут выступать как физические, так юридические лица (по английскому праву: компании). Принципал – это лицо, по поручению которого действует агент в интересах принципала.

Надо особо обратить внимание на колоритную фигуру «агента» в английском и международном праве. Среди видов агентов необходимо выделить: а) аукционисты; б) факторы; в) брокеры; г) агенты по продаже недвижимости; д) солиситоры. Коротко рассмотрим каждый из этих видов.

Аукционисты являются агентами по продаже имущества на публичных торгах. Они имеют полномочия на продажу, но не вправе давать гарантии в отношении продаваемого имущества, если в договоре прямо не указаны их полномочия по гарантии, исходящие от продавца. Первоначально аукционист – агент продавца (читай: принципала), но после продажи имущества становится также агентом покупателя для подписания меморандума.

Факторы – агенты, которым товары передаются с целью их продажи. Фактор владеет товаром, имеет полномочия на его продажу от собственного имени агента и наделен правом определять условия продажи товаров.

Брокеры – агенты, которые главным образом используются для ведения переговоров между сторонами в целях заключения договора. Если лицо является брокером по купле-продаже товаров, то он не владеет передаваемым товаром и потому у него нет полномочий, которыми обладает фактор.

2. Агенты по продаже недвижимости. Услуги агентов используются для поиска покупателя объектов недвижимости. Он имеет подразумеваемое полномочие

делать сообщение и давать гарантии по поводу этих объектов.

Соответствующие отношения в сфере агентирования регулируются рядом законов (статутов). Среди них – Закон о факторах 1889 г. (Factors Act), Закон о собственности 1925 г. (Property Act), Закон о передаче имущества и оказании услуг 1982 г., Закон о финансовых услугах 1986 г. (Financial Services Act), Закон о фондовом рынке и ценных бумаг 1994 г. и др.

В данной сфере действует Директива 86/653 ЕЭС о независимых коммерческих агентах в свете их разъяснения Судом Европейского союза. Директива внесла существенные изменения в нормы так называемого «агентского права» [3]. Однако Великобритания вышла из ЕС 31.01.2020.

Агент – это лицо, которое совершает те или иные действия по поручению принципала

---

3. Заключение агентского договора. В англо-саксонском праве какой-либо особой формы договора не предусматривается. Отношения агента и принципала могут возникнуть из письменного или устного соглашения, из соответствующего поведения сторон.

Отметим, что возникновение агентских отношений происходит по разным основаниям. Так, В. Ансон выделяет пять случаев (оснований) такого возникновения [4, с. 373]. К их числу относятся следующие: 1) при фактическом предоставлении принципалом агенту полномочий на заключение договора; 2) при одобрении принципалом договора, заключенного агентом для него, но без получения у него на то полномочий; 3) при предоставлении принципалом агенту презюмируемых полномочий, даже если фактического предоставления полномочий не было; 4) при наличии правовой презумпции в отношении замужней женщины, проживающей совместно с мужем; 5) при наличии презумпции, установленной правом для случаев «необходимости».

Даже на первый взгляд видно, что названный п. 4 не актуален для современной Англии. Законом об изменении права относительно замужних женщин и правонарушений (Law Reform (Married Women and Tortfeasors) Act), принятым в 1935 г., установлено, что замужняя женщина является полностью дееспособной. Однако Закон сохранил в силе все ограничения в праве распоряжения определенным имуществом, установленным в отношении замужних женщин каким-либо актом, изданным до 1 января 1936 г.

Для того, чтобы действия агента обязывали принципала, они должны быть совершенны в пределах предоставленных ему полномочий. Полномочия агента могут быть прямо выраженными (*express authority*) и подразумеваемыми (*implied authority*). Первое полномочие может быть предоставлено в любой форме. Например, в английской литературе Совет директоров, директора рассматриваются в качестве агентов (*agents*) компании. Более того, отмечается, что общие правила агентирования применяются и в корпоративной сфере [5, р. 74–75]. Соответственно наделение полномочиями возможно в письменной или устной форме (*expressly, in writing or orally*). Обычно Совет директоров компании делегирует свои полномочия какому-либо одному директору или нанятому сотруднику. Однако ограничение полномочий директоров возможно на основании учредительных документов Компании.

Подразумеваемыми считаются полномочия, которые будучи не прямо выраженными, являются необходимыми для надлежащего выполнения агентом поручения принципала. Не случайно в английской судебной практике такие полномочия нередко определяются как сопутствующие. Их природа и объем зависят от фактических обстоятельств каждого конкретного случая. В частности, торговый агент в рамках подразумеваемых полномочий вправе действовать в соответствии с разумными обычаями (*reasonable customs*) и торговыми обычаями конкретного места и рынка.

Далее, агент может вступить в договор, не имея на то полномочий от принципала, в случаях, если в дальнейшем принципал примет права и обязанности по договору, заключенному от своего имени. Так, важным моментом в определении полномочий директоров Совета и других агентов как представителей компании является положение ст. 40 Закона о компаниях 2006 г. (*Companies Act*), в котором закрепляется, что в пользу лица, которое является добросовестным контрагентом компании, право директоров уполномочивать других лиц налагать обязательства на собственную компанию должно рассматриваться как свободное от каких-либо ограничений в соответствии с уставом компании. Следовательно, отдельный директор, секретарь компании, сотрудник или другой агент, уполномоченный директорами возлагать обязательства на собственную компанию, будет реализовывать такое право, даже если он превышает полномочия, предоставленные самому совету директоров или другим агентам компании в соответствии с учредительными документами. При этом знание об отсутствии полномочий у лица, совершающего сделку от имени компании, не является недобросовестным и не препятствует наложению обязательств на компанию [6, р. 147].

Особое место принадлежит отношениям, складывающимся между принципалом (агентом) и третьими лицами. Так, если принципал наделяет агента прямым полномочием на заключение договора от своего имени, то в отношении с третьими лицами он будет связан любыми действиями агента, совершенными в пределах данного полномочия. Аналогичное правило применяется и в тех случаях, когда агент, хотя и выходит при заключении договора за рамки прямого полномочия, но тем не менее действует в пределах полномочия, наличие которого у него можно разумно предположить.

Такие же сложные отношения возникают между агентом и третьими лицами. В зависимости от того, как агент выступает при исполнении получения, определяются отношения агента и принципала с третьим лицом. Например, если агент действует от имени принципала, то права и обязанности из заключенных агентом сделок возникают для принципала. Перед третьим лицом агент никакой ответственности не несет. Правда, из этого общего правила делаются некоторые исключения, когда английское право признает агента, несущим личную ответственность (*the personal liability*).

4. Исполнение агентского договора. Отношения сторон, вытекающие из агентского договора, складываются следующим образом. Агент обязан: а) исполнить поручения принципала лично, за исключением случаев, когда возможность субделегации полномочий предусмотрена договором или вытекает из деловых обычаев. При замене себя другим лицом агент несет ответственность за его действия перед принципалом; б) следовать указаниям принципала, проявляя при этом надлежащую осмотрительность и умение; в) не разглашать третьим лицам полученные в процессе выполнения поручения конфиденциальные сведения, а также не использовать приобретенную таким образом информацию. Это может быть особенно важно в производственных соглашениях, где вся ценность бизнеса основана на тщательном охраняемом процессе или рецептуре; г) не допускать положения, при котором личные интересы оказались бы в противоречии с обязанностями по отношению к принципалу. Так, по этой причине без согласия принципала агент не вправе сам приобрести товар, который должен продать по поручению принципала; д) предоставить принципалу всю необходимую информацию; е) хранить обособленно деньги и товары, полученные для принципала. Можно прокомментировать ряд обязанностей агента. Так, агент не может делегировать свои обязанности без согласия принципала. Агента часто нанимают или поручают именно из-за его личных навыков и знаний. Если агент предпочтет передать свои обязанности обманным путем, действия другой стороны

будут возложены на агента. Если индивидуальные навыки не важны, то возможно субагентство.

В договоре может быть сформулирована обязанность агента не действовать в конкретной географической зоне, если можно предположить, что таков был характер его инструкций. Однако эта обязанность может быть исполнена только в том случае, если она защищает законный деловой интерес и не идет дальше, чем это разумно. Эти условия будут зависеть от фактов.

Основной обязанностью принципала является уплата вознаграждения агенту. Такая обязанность вытекает из прямо выраженных и подразумеваемых условий договора. В агентском договоре обычно предусматриваются не только право агента на вознаграждение, но и размер его, а также способ уплаты. При отсутствии в договоре прямо выраженных условий (*express*) о праве агента на вознаграждение такое условие подразумевается в случаях, когда в качестве агента выступает лицо, совершающее в виде промысла юридические и фактические действия за счет и в интересах другого лица.

Определение момента возникновения права на вознаграждение, а также срока его выплаты зависит от усмотрения сторон агентского соглашения. При отсутствии специальных положений по данным вопросам в договоре, правовых актах (*legal acts*), право на вознаграждение у агента возникает в момент исполнения взятых им на себя обязательств. Правда, такое положение не всегда выгодно для принципала. Поэтому распространенной практикой является включение в договор условий, в соответствии с которыми право на вознаграждение, а также срок его выплаты ставятся в прямую зависимость от исполнения третьим лицом заключенной агентом сделки.

Право на вознаграждение, как правило, утрачивается с окончанием действия агентского договора. Судебная практика, однако, при определенных условиях признает право агента на вознаграждение и после прекращения действия агентского соглашения в случаях, когда принципал продолжает совершать сделки с лицом, с которым через представительство агента впервые были установлены договорные отношения. Естественно, что такое право на вознаграждение за повторные заказы принимается лишь в случае, если толкование агентского договора исключает иное намерение сторон.

В судебной практике Англии при решении вопроса о праве агента на вознаграждение за повторные заказы принимается во внимание способ определения срока действия агентского договора. Если договор заключен на определенный срок, то с прекращением действия договора, то с прекращением действия договора агент теряет право на вознаграждение за повторные заказы. Иное положение характерно для случаев заключения агентского договора без указания сроков его действия, когда прекращение договора не лишает агента права на вознаграждение за сделки, заключаемые принципа-

---

В судебной практике Англии при решении вопроса о праве агента на вознаграждение за повторные заказы принимается во внимание способ определения срока действия агентского договора

лом с лицами, с которыми до прекращения договора через посредство агента впервые были установлены договорные отношения. Директива ЕЭС исходит из необходимости закрепления за агентом права на вознаграждение за повторные заказы, причем английские юристы подчеркивают (сейчас – подчеркивали) императивный характер такой нормы.

Принципал обязан возместить агенту расходы, связанные с выполнением поручения, при условии, если агент действовал в пределах предоставленных ему полномочий. Расходы подлежат возмещению независимо от того, является договор возмездным или безвозмездным (хотя в английском праве указанное деление не существует; однако можно условно назвать).

Если агент небрежно выполняет свои обязанности, он может нести ответственность перед принципалом или третьей стороной напрямую. Если агент обманывает или действует мошеннически, он может быть привлечен к гражданской и уголовной ответственности. Агент может нести личную ответственность, если он недостаточно четко обозначил свой агентский статус. Здесь агент может быть признан лично заключившим договор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Goode R. Commercial Law. Second ed. London, 1995.
2. Договорное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2020. 720 с.

3. Директива о независимых коммерческих агентах в практике суда европейского союза. [Электронный ресурс] URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/85592-direktiva-nezavisimyykh-kommercheskikh-agentakh-praktike-suda-evropejskogo> (дата обращения: 03.02.2022).

4. Ансон В. Договорное право / под общ. ред. О. Н. Садикова. М., 1984.
5. Ridley A., Shepherd C. Company Law. London, 2015.
6. Smith and Keenans Company Law. London, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич

(Россия, Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета.

E-mail: belykhvs@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh

(Russia, Ekaterinburg), Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: belykhvs@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

УДК 346.5

Либерализация железнодорожной отрасли в России и Германии: сравнительно-правовой анализ¹

Бажина М. А.

Аннотация: Либерализация железнодорожной отрасли является одним из часто обсуждаемых вопросов в транспортной сфере не только в России, но и вообще в мире. Несмотря на то, что в каждом государстве модели управления железнодорожной отраслью, среди практиков и ученых продолжается дискуссия о наиболее эффективной с экономической точки зрения модели управления железнодорожным сектором. Среди известных в настоящее время трех доминирующих теорий железнодорожных транспортных либеральных реформ во многих государствах используются лишь отдельные их элементы. В связи с этим закономерно возникает вопрос о необходимости осуществления реформирования по одной из указанных теорий для достижения наиболее высоких экономических показателей. Представленный в статье анализ показывает, насколько железнодорожная отрасль в России и Германии нуждается в реформировании. Сравнительно-правовой подход позволяет выявить сходные и различные черты становления современной модели управления железнодорожной отраслью в России и Германии, а также определить возможные пути реформирования в указанных государствах. Автор предлагает возможные пути реформирования железнодорожной отрасли.

Ключевые слова: реформирование на железной дороге, либерализация, конкуренция перевозчиков, железнодорожные перевозки, частная собственность, инфраструктура, монополия

Liberalization of the Railway Industry in Russia and Germany: Comparative Legal Analysis²

Maria A. Bazhina

Abstract: Liberalization of the railroad industry is one of the frequently discussed issues in the transport sphere, not only in Russia, but also in the world in general. Despite the seemingly well-established models of railroad management in every state, there is an ongoing discussion among practitioners and scholars about the most economically efficient model for managing the railroad sector. Among the currently known three dominant theories of railroad transport liberal reforms, many states use only certain elements of them. This naturally raises the question of the necessity of reforming according to one of these theories in order to achieve the highest economic performance. The analysis presented in this article shows how much the railroad industry in Russia and Germany needs to be reformed. The comparative-legal approach allows us to identify similar and different features of the formation of the modern model of railway industry management in Russia and Germany, as well as to identify possible ways of reforming in these states. The author proposes possible ways of reforming the railway industry.

Keywords: railroad reform, liberalization, carrier competition, railway transportation, private ownership, infrastructure, monopoly

Так называемая «либерализация» железнодорожной отрасли является одним из часто обсуждаемых вопросов при определении тенденций развития данной сферы

не только в России, но и за рубежом. Этой проблеме посвящены многочисленные труды различных специалистов по всему миру, согласно которым выделяется

¹ Ссылка для цитирования: Бажина М. А. Либерализация железнодорожной отрасли в России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 1. С. 47–51.

² For Reference: Maria A. Bazhina. Liberalization of the Railway Industry in Russia and Germany: Comparative Legal Analysis // Business, Management and Law. 2022. № 1. P. 47–51.

три доминирующих теории либерализации железнодорожной отрасли, а именно: 1) недискриминационный доступ к услугам железнодорожной инфраструктуры (конкуренция «на маршруте»), 2) вертикальное разделение компании и выделение рыночных сегментов (конкуренция «за маршрут»), 3) горизонтальное разделение монополии на самостоятельные или параллельно-конкурирующие железнодорожные хозяйства.

Выполнение исследований именно в сравнительном аспекте предопределяется тем обстоятельством, что каждое государство выбирает свой путь реформирования железнодорожной отрасли, а изучение этого опыта может быть полезным для отечественных нововведений.

Только ОАО «РЖД» является владельцем локомотивов, с помощью которых осуществляется тяга подвижного состава, необходимая для перевозок по магистральным путям

В настоящем исследовании в качестве страны для сравнения выбрана Германия не случайно. Политика этого государства в отношении железнодорожной отрасли является одной из либеральных. Кроме того, Германия по праву является олицетворением успеха в организации и функционирования железнодорожного рынка. В связи с вышеуказанным представляется целесообразным обратиться к одному из самых удачных примеров реформирования железнодорожной отрасли, а именно: немецкому опыту.

Краткий очерк становления современного состояния железнодорожной отрасли в России и Германии

Особое значение для современного состояния железнодорожной отрасли сравнимых государств и выявления возможных тенденций ее развития имеет анализ исторических особенностей формирования рынка оказания услуг железнодорожным транспортом.

Реформирование железнодорожной отрасли в России началось с принятия Концепции структурной реформы на железнодорожном транспорте, утвержденной Подписанием Правительства РФ от 15 мая 1998 г. № 448. 18 мая 2001 г. Правительство РФ приняло программу структурной реформы на железнодорожном транспорте, которая должна была проходить в три этапа. В рамках первого этапа 30 сентября 2003 г. было создано ОАО «Российские железные дороги», в котором 100% акций принадлежит РФ (п. 9 Устава ОАО «РЖД»,

утвержденного Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2003 г. № 585 «О создании открытого акционерного общества «Российские железные дороги», ст. 32 Устава ОАО «РЖД», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2021 г. № 1838). В качестве вклада в уставной капитал ОАО «РЖД» получило имущество и обязательства организации федерального железнодорожного транспорта. Дальнейшим шагом было создание ОАО «РЖД» дочерних компаний с целью передачи им всего грузового вагонного парка. Так, в 2007 г. была создана ОАО «Первая грузовая компания», а в 2010 г. – ОАО «Вторая грузовая компания» (в настоящее время – АО «Федеральная грузовая компания»). Данные компании входят в состав холдинга, где главенствующую роль играет ОАО «РЖД» (п. 72 Кодекса деловой этики). Тем самым налицо своего рода парадокс – «частная нечастная собственность», так как эти дочерние компании наделяет имуществом и делегирует им свои полномочия ОАО, а управление ими по сути осуществляет государство. Наряду с дочерними компаниями ОАО «РЖД» собственниками вагонного парка стали также независимые частные компании [1, с. 19] (например, АО «Новая перевозочная компания», АО «НефтеТрансСервис» и ООО «Грузовая компания «Новотранс» [2, с. 117]). При этом данные компании не являются перевозчиками и осуществляют хозяйственную деятельность по предоставлению грузовых вагонов в аренду и (или) пользование заинтересованным лицам, а также организуют железнодорожные перевозки с использованием принадлежащих им грузовых вагонов в интересах грузоотправителей.

Кроме того, только ОАО «РЖД» является владельцем локомотивов, с помощью которых осуществляется тяга подвижного состава, необходимая для перевозок по магистральным путям.

Следовательно, можно говорить о том, что ОАО «РЖД» является монополистом в данной сфере, фактически единственным перевозчиком на железнодорожном транспорте. При этом в его распоряжении находятся и другие объекты указанной инфраструктуры: станции, вокзалы, депо, объекты пассажирских обустройств и устройства сигнализации, централизации и блокировки, а также устройства связи. Этот хозяйствующий субъект наряду с перевозкой выполняет и иные функции: 1) осуществляет эксплуатацию, содержание и ремонт объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования [3, с. 24]; 2) оказывает услуги по предоставлению локомотивной тяги (ст. 6 Федерального закона от 27 февраля 2003 г. № 29-ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта»). Таким образом,

в России сложилась интегрированная государственная модель рынка грузовых перевозок [4, с. 19].

Современная акционерная компания Deutsche Bahn (DB AG) была зарегистрирована в январе 1994 г. путем внесения записи о создании в Торговый реестр Берлина (Handelsregister Berlins). Тем самым DB AG образовалось путем объединения двух ранее существовавших железных дорог, находившихся в государственной собственности – Федеральной железной дороги в Западной Германии (die Bundesbahn) и Государственной железной дороги Восточной Германии (die Deutsche Reichsbahn) [5].

По мере развития и дальнейшего проведения реформ в железнодорожной отрасли было принято решение о создании дочерних компаний DB AG в зависимости от сферы деятельности: грузовые перевозки, пассажирские перевозки, оказание услуг, связанных с инфраструктурой и т.д. В настоящее время DB AG является материнской компанией в холдинге Deutsche Bahn Konzern (Group), в который входит около 20 компаний (DB Cargo AG, DB Netz AG, DB Systel GmbH, DB Sicherheit GmbH, DB Services GmbH, DB Kommunikationstechnik GmbH и т.д.), в т.ч. две международные компании DB Schenker и DB Arriva. 100% акций DB AG принадлежат ФРГ. Основная задача головной компании заключается в осуществлении управления всеми бизнес-единицами, входящими в холдинг. Тем самым DB AG определяет юридическое, корпоративное, финансовое, налоговое, страховое развитие дочерних компаний.

Исходя из выше изложенного, управление железнодорожной отраслью в Германии осуществляется по частично интегративной модели. В холдинг Deutsche Bahn Konzern входят компании, часть из которых являются перевозчиками, а часть – выступают администраторами инфраструктуры. При этом общее руководство холдингом осуществляет материнская компания, которая устанавливает примерные условия использования инфраструктуры и обеспечивающая равный доступ к путям всем участвующим перевозчикам.

Наряду с компаниями, входящими в холдинг Deutsche Bahn Konzern, действуют частные перевозчики. На протяжении нескольких лет, начиная с 2015 г., наблюдается постоянный рост доли сторонних (независимых) перевозчиков или операторов (т.е. компаний, не аффилированных с собственником инфраструктуры или иными государственными железнодорожными компаниями в сегменте перевозок железнодорожной отрасли). Тем самым в Германии получилось создать эффективный симбиоз государственного Deutsche Bahn Konzern, являющегося символом качества оказания

транспортных услуг, и частных перевозчиков, выступающих своего рода «раздражителем» для активного развития и конкуренции.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что модели управления в России и Германии имеют много общих черт. Единственным различием является то, что в Германии существует большее количество частных компаний, составляющих конкуренцию на рынке железнодорожных перевозок.

Проблемные аспекты представленных моделей управления железнодорожным рынком в России и Германии

Насущная необходимость рассмотрения вопроса либерализации железнодорожной отрасли обусловлена потребностью в привлечении инвестиций для развития железнодорожной отрасли в России. По мнению экспертов, объем необходимых инвестиций к 2022 г. составил 2,5 трлн руб. По данным Института проблем естественной монополии (ИПЭМ) к концу 2025 г. «бюджетная дыра» ОАО «РЖД» превысит доходную ставку в два раза [6]. При этом, в действующей Долгосрочной программе развития открытого акционерного общества ОАО «РЖД» до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 19 марта 2019 г. № 466-р, закреплено сохранение существующей интегрированной государственной модели рынка грузовых перевозок, а именно: интеграция перевозочной деятельности и инфраструктуры в рамках единого хозяйствующего субъекта – ОАО «РЖД».

Тем самым представляется целесообразным искать альтернативные способы управления железнодорожной отраслью. Представленные ранее три теории либерализации в чистом виде не могут быть воссозданы на российском железнодорожном рынке. Связано это с тем, что во всем трех случаях возможны негативные последствия для развития железнодорожного рынка. Так, например, по данным ИПЭМ на 2020 г. при применении модели недискриминационного доступа к услугам железнодорожной инфраструктуры (конкуренция «на маршруте») увеличение числа перевозчиков на инфраструктуре ОАО «РЖД» приведет к сокращению грузооборота последнего, необходимости дополнительной индексации тарифов, а также росту выпадающих доходов ОАО «РЖД» [7, с. 10].

В связи с этим, возможно конструирование гибридных вариантов представленных выше теорий управления железнодорожной отраслью. Так, некоторые эксперты предлагают в сфере недискриминационного доступа к услугам железнодорожного транспорта создать и расширить биржевую торговлю. Тем самым подвижной состав стал бы работать по аналогии с «Яндекс

такси» [8]. Это означает, что стало бы возможным продажа вагонов обезличенно в точке высвобождения. Такое нововведение позволило бы образовывать биржевые порожние вагоны, сборные частные поезда, продавать на бирже тягу, поездных формирований, продажа ниток графика. Представленная концепция предполагает такой путь развития, с помощью которого исключается монопольный сегмент из перевозочной деятельности.

Такой способ модернизации представляется современным и отвечающий тенденциям развития транспортного рынка, а именно: цифровизации, оптимизации и транспарентности бизнес-процессов.

Несмотря на многочисленные позитивные оценки деятельности Deutsche Bahn Konzern, представленных в ежегодных отчетах правления холдинга, модель управления железнодорожной отраслью в Германии вызывает определенные негативные замечания с точки зрения полноценного развития либерального подхода в ее осуществлении. Рассмотрим основные аспекты.

1. Либерализация железнодорожной отрасли во многом ограничена в связи с антиконкурентным поведением Deutsche Bahn Konzern при определении платы за пользование инфраструктурой, подвижным составом и иными составляющими, находящимися в его введении. Такая ситуация является данью исторически сложившегося в Германии подхода к сохранению холдинговой конфигурации, при которой сам холдинг по сути является одновременно администратором инфраструктуры и мажоритарным перевозчиком в пассажирских региональных перевозках, пассажирских междугородних перевозках и грузовых перевозках. Дочерние компании DB AG пользуются государственными преференциями по сравнению с иными независимыми частными компаниями. Тем самым, последние находятся в более худшем положении на железнодорожном рынке. Кроме того, DB AG зачастую оказывает предпочтение своим дочерним компаниям перед иными компаниями.

2. Международная экспансия холдинга Deutsche Bahn Konzern не соответствует национальным интересам развития железнодорожной отрасли. В настоящее время Deutsche Bahn Konzern является международным

поставщиком услуг мобильности и логистики, осуществляющим свою деятельность в более чем 130 странах мира. В DB Group работает более 318 000 сотрудников, из которых почти 40% из них работают за пределами Германии [9]. По данным на 2019 г. 73% дочерних предприятия холдинга находится за границей. В связи с этим около половины своих продаж (приблизительно 43%) холдинг производит за границей. Такое положение дел приводит к тому, что холдинг реинвестирует в иностранные компании и не в полной мере финансирует железнодорожную сеть в самой Германии. Тем самым, несмотря на существенную государственную поддержку, долг DB AG, которая на момент создания в 1994 г. не имела долгов, достиг 20 млрд евро.

Возможным выходом из сложившейся ситуации в управлении немецким железнодорожным сектором видится продажа таких международных дочерних компаний, как DB Schenker и DB Arriva. Полученная прибыль может быть использована для развития национальной железнодорожной сети. Кроме того, представляется правильным отказаться от частично интегрированной модели управления железнодорожной отраслью и рассмотреть полностью независимое управление поездами и инфраструктурой [10].

Итак, представленный анализ свидетельствует о том, что модели управления железнодорожным рынком в Германии и России объединяются в том, что функции перевозчика и оператора инфраструктуры интегрированы в одну компанию, даже если у них есть дочерние организации, специализирующиеся на данных вопросах. Более того, в обоих случаях Германии холдинговая структура Deutsche Bahn очень лабиринтообразна, что затрудняет контроль за движением статей затрат. Это приводит к возможности переноса расходов и доходов внутри компаний холдинга таким образом, что помимо аффилированных компаний, повышенные расходы будут нести и конкуренты, в то время как расходы будут уравниваться с соответствующими доходами внутри холдинга. Данный механизм приводит к повышению операционных затрат конкурентов и не отражается на совокупном балансе счетов холдинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вайпан В. А. Правовое регулирование транспортной деятельности // Право и экономика. 2012. № 6. С. 18–42.
2. Рохлин А. А. Проблемы антимонопольного регулирования транспортной инфраструктуры в условиях конкурентного рынка // Закон. 2018. № 12. С. 115–127.
3. Куликов А. В., Тюленев Н. И. Особенности правового регулирования железнодорожного транспорта в России и Европейском союзе и необходимость их гармонизации // Транспортное право. 2019. № 3. С. 23–27.

4. Бажина М. А., Туктамышев В. Д. Модели регулирования перевозок железнодорожным транспортом: сравнительный анализ // Транспортное право. 2021. № 2. С. 14–18.
5. Die Gründung der Deutschen Bahn AG [Электронный ресурс] URL: <https://www.deutschebahn.com/de/konzern/geschichte/bahnreform-6879206> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Сотников К. Регулятор раскритиковал Deutsche Bahn // Гудок. 2019. Вып. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://gudok.ru/newspaper?ID=1450896> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Реформирование и регулирование железнодорожного транспорта России. Ретроспективный обзор / Ю. З. Савчук, А. А. Поликарпов, А. Ю. Слободяник, М. В. Тараскин, Т. В. Постникова, Я. И. Распутин. М.: ИПЕМ. 2020. 32 с.
8. Никитина М. Тенденции нового десятилетия: либерализация и целевая модель рынка транспортных услуг // Гудок. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://gudok.com/eksperty/mariya-nikitina-tendencii-novogo-desyatiletija-liberalizaciya-i-celevaya-model-rynka?amp> (дата обращения: 01.02.2022).
9. Deutsche Bahn Group 2018 Integrated Report [Электронный ресурс] URL: https://s3-us-west-2.amazonaws.com/ungc-production/attachments/cor_2019/474481/original/ib2018_Dbgroup_report_full.pdf?1557738687 (дата обращения: 01.02.2022).
10. Tomáš Nigrin. Open Competition or Discrimination on Tracks? Examples of Anti-competitive Behaviour of the Deutsche Bahn // Review of Economic Perspectives – Národohospodářský Obzor. Vol. 14. Issue 1. 2014. P. 16–33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бажина Мария Анатольевна

(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

E-mail: mashsol@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1237-0052.

AUTHOR'S DETAILS

Maria A. Bazhina

(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

E-mail: mashsol@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-1237-0052.

Обзор по актуальным вопросам применения АПК РФ, утвержденного Президиумом Арбитражного суда Уральского округа

Согласно ст. 26 Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» на арбитражные кассационные суды возложена обязанность по изучению и обобщению судебной практики, что способствует достижению единообразия в разрешении дел нижестоящими по отношению к ним судами. Одной из форм данной работы выступает составление обзоров судебных актов, принятых кассационным судом и содержащих правовые позиции относительно применения норм какой-либо отрасли законодательства.

При распределении судебных расходов и определении лица, в пользу которого принят судебный акт, следует учитывать предмет спора и материально-правовой интерес лица, обратившегося за судебной защитой

В отличие от обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, вышеуказанные обзоры не поименованы в ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в качестве актов, на которые могут содержаться ссылки в решении арбитражного суда. Однако, данные документы все же направляются в суды, входящие в соответствующий округ, для ознакомления с ними.

28 февраля 2022 г. Президиумом Арбитражного суда Уральского округа утвержден обзор по актуальным вопросам применения АПК РФ, содержащий, в частности, следующие правовые подходы.

1. Нерассмотрение судом ходатайства (в том числе поданного в электронном виде) об ознакомлении с поступившими в материалы дела доказательствами, истребованными судом в порядке ст. 66 АПК РФ, свидетельствует о нарушении принципов равноправия сторон, состязательности судебного процесса, которое может повлечь отмену решения.

Суд кассационной инстанции руководствовался ст. 8, 9 АПК РФ, в соответствии с которыми, судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на основе равноправия и состязательности сторон. Стороны пользуются равными процессуальными правами. Частью 1 ст. 41 АПК РФ регламентированы права лиц, участвующих в деле. Так, они имеют право: знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии; заявлять отводы; представлять доказательства и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного разбирательства.

В материалы дела поступили документы от лица, участвующего в деле, истребованные ранее судом по ходатайству финансового управляющего. Финансовый управляющий неоднократно подавал ходатайства об ознакомлении с материалами дела как до поступления истребованных судом документов, так и после.

Вместе с тем из материалов дела не усматривается, что судом была предоставлена возможность ознакомления финансового управляющего с делом, в том числе и с поступившими документами. Какие-либо сведения о разрешении судом ходатайств об ознакомлении отсутствуют (удовлетворении, отказа в удовлетворении ходатайства с указанием причин такового). В результате допущены существенные нарушения таких принципов арбитражного процесса, как обеспечение равной судебной защиты прав и законных интересов всех лиц, участвующих в деле, равноправие сторон, состязательность судебного процесса.

2. При распределении судебных расходов и определении лица, в пользу которого принят судебный акт, следует учитывать предмет спора и материально-правовой интерес лица, обратившегося за судебной защитой.

Кассационный суд при рассмотрении жалобы учел, что по смыслу положений ст. 101, 106, 110 АПК РФ, правовой позиции п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – Постановление № 1) принципом распределения судебных расходов выступает возмещение

судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу.

В рамках возникшего спора ответчик, не возражая относительно факта изъятия земельных участков, не согласился с размером возмещения. Материально-правовым интересом собственника, желающего компенсировать свои потери, в первую очередь является получение предварительного и равноценного возмещения (компенсации) рыночной стоимости фактически изъятых земельных участков.

Предметом спора являлось не право истца на изъятие спорного земельного участка для государственных нужд, а определение размера возмещения за изымаемый объект.

На основании изложенного, несмотря на то, что судом были удовлетворены заявленные истцом требования об изъятии земельных участков в судебном порядке, фактически поводом к возникновению спора являлся именно размер возмещения за изымаемые земельные участки; при этом следует учитывать, что в суде апелляционной инстанции нашла подтверждение позиция ответчика о существенном несоответствии размера компенсации за изымаемые участки, предлагаемой истцом в виде рыночной стоимости.

Таким образом, учитывая предмет спора, а также результаты рассмотрения дела, ответчик является стороной, в пользу которой принят судебный акт, что исключает возможность распределения на него судебных расходов по правилам ст. 110 АПК РФ.

3. Размер подлежащих взысканию судебных расходов, состоящих из зависящего от результатов рассмотрения спора судом дополнительного вознаграждения адвоката, должен определяться с учетом разумных пределов.

Решением арбитражного суда иски требования удовлетворены в полном объеме.

Как отметил суд округа, удовлетворяя заявление в полном объеме со ссылкой на положения п. 4.1 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», суд апелляционной инстанции не учел, что расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах (ч. 2 ст. 110 АПК РФ).

В п. 3 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 г. № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между

сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» указано, что лицо, требующее возмещения расходов на оплату услуг представителя, обязано доказать их размер и факт выплаты, а другая сторона вправе доказывать их чрезмерность.

Обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым – на реализацию требования ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. Именно поэтому в ч. 2 ст. 110 АПК РФ речь идет, по существу, об обязанности суда установить баланс между правами лиц, участвующих в деле.

Данная правовая позиция содержится в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 454-О, от 20 октября 2005 г. № 355-О, от 25 февраля 2010 г. № 224-О-О, от 22 марта 2011 г. № 361-О-О.

Таким образом, право на взыскание понесенных судебных расходов не зависит от способа определения размера вознаграждения и условий его выплаты. Вместе с тем размер расходов, подлежащих взысканию, в любом случае должен определяться с учетом разумных пределов и фактически совершенных исполнителем действий.

Из содержания обжалуемого постановления следует, что в нарушение правил распределения судебных расходов, установленных положениями гл. 9 АПК РФ судом апелляционной инстанции не дана надлежащая правовая оценка разумности и соразмерности заявленной к взысканию истцом суммы судебных расходов с учетом конкретных обстоятельств спора, объема фактически оказанных представителем истца услуг, категории спора и его трудозатратности.

В свою очередь суд первой инстанции, частично удовлетворяя заявление о взыскании судебных расходов, определил разумные пределы расходов истца на оплату услуг представителя на основании положений ч. 2 ст. 110 АПК РФ с учетом критериев, определенных в п. 13 Постановления № 1, п. 20 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

Такой вывод судом апелляционной инстанции не опровергнут.

При изложенных обстоятельствах основания для изменения определения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции отсутствовали.

4. Недопустимо вынесение определения об исправлении опечатки, которым из судебного акта исключается упоминание лица как привлеченного к участию в деле в порядке ст. 51 АПК РФ, если от истца поступало ходатайство о привлечении такого лица к участию в деле.

Суд кассационной инстанции пришел к данному выводу в силу следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 179 АПК РФ исправление допущенных в решении описок, опечаток и арифметических ошибок без изменения его содержания является компетенцией арбитражного суда, принявшего решение.

Из содержания указанной нормы права следует, что исправлением опечатки являются вносимые в судебный акт исправления, не изменяющие его содержание, то есть не влияющие на существо принятого судебного акта и выводы, изложенные в нем. Подлежащие исправлению опечатки по своей сути носят технический характер.

Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 20 марта 2014 г. № 576-О указано на то, что ч. 3 ст. 179 АПК РФ, предоставляющая принявшему решение арбитражному суду право по заявлению лица, участвующего в деле, судебного пристава-исполнителя, других исполняющих решение арбитражного суда органа, организации или по своей инициативе исправить допущенные им в решении описки, опечатки и арифметические ошибки без изменения его содержания, направлена на обеспечение неизменности судебного решения и не предполагает ее произвольного применения судами.

Как усматривается из материалов дела, истец указал в исковом заявлении в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, лицо, наименование которого было исключено в последующем из судебных актов обжалуемым определением.

Материалами дела также подтверждается направление истцом копии искового заявления вышеупомянутому лицу.

Последовательные действия суда по включению в состав лиц, участвующих в деле, данного лица при наличии соответствующего ходатайства истца свидетельствуют о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, а не о наличии технической ошибки в судебных актах.

Посредством исправления опечатки суд первой инстанции фактически изменил содержание принятых судебных актов по настоящему делу, что противоречит положениям ч. 3 ст. 179 АПК РФ.

Отсутствие определения о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, в виде отдельного судебного акта не свидетельствует о технической ошибке применительно к ч. 3 ст. 179 АПК РФ и о непривлечении указанного лица к участию в деле.

5. Конкурсный кредитор в деле о банкротстве, обратившийся в административный орган с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, наделен правом обжалования состоявшихся по делу судебных актов независимо от его участия в рассмотрении дела судом первой инстанции.

Суд округа исходил из того, что согласно положениям ст. 202 АПК РФ дела о привлечении к административной ответственности рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным указанным Кодексом, с особенностями, установленными в гл. 25 АПК РФ и федеральном законе об административных правонарушениях.

Такие особенности, в частности, предусмотрены разделом IV КоАП РФ.

Частью 1 ст. 30.1 КоАП РФ право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении предоставлено лицу, в отношении которого вынесено постановление, потерпевшему, законными представителями этих лиц, а также защитникам и представителям названных выше лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 29.9 КоАП РФ постановлением по делу об административном правонарушении именуется как постановление о назначении административного наказания, так и постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении. В арбитражном процессе в соответствии с нормами пар. 1 гл. 25 АПК РФ административное дело разрешается решением суда о привлечении к административной ответственности либо об отказе в привлечении к административной ответственности.

В ситуации рассмотрения судом вопроса о привлечении к административной ответственности (принятие судом постановления о назначении административного наказания в форме решения суда с учетом особенностей арбитражного процессуального законодательства) производство по делу об административном правонарушении продолжается в арбитражном процессе. Следовательно, право на обжалование принятых судебных

актов подлежит реализации потерпевшим в полном объеме в арбитражном процессе, в том числе путем подачи апелляционной жалобы.

Обратное свидетельствовало бы о несправедливом ограничении прав потерпевшего в арбитражном процессе, в сравнении с правами потерпевшего по делам, непосредственно рассмотренным административным органом с принятием соответствующего постановления.

Учитывая изложенное, конкурсный кредитор, обратившийся в административный орган с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, наделен в силу ст. 25.2 КоАП РФ правами потерпевшего и в соответствии с ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ – правом обжалования состоявшихся по делу судебных актов независимо от его участия в рассмотрении дела судом первой инстанции, в том числе в связи с отказом суда первой инстанции допустить конкурсного кредитора (потерпевшего) к участию в деле о привлечении к административной ответственности арбитражного управляющего.

6. На инициатора обособленного спора в деле о банкротстве не могут быть возложены судебные расходы, если итоговый судебный акт принят не в пользу ни одной из спорящих сторон.

Кассационный суд учел, что применительно к обособленным спорам в делах о банкротстве общее правило, предусмотренное ч. 1 ст. 110 АПК РФ, применяется следующим образом: судебные расходы, понесенные за счет конкурсной массы, подлежат возмещению лицами, не в пользу которых был принят судебный акт по соответствующему обособленному спору; судебные расходы лиц, в пользу которых был принят судебный акт по соответствующему обособленному спору, подлежат возмещению лицами, не в пользу которых был принят данный судебный акт (п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Получившие свое закрепление в ч. 1 ст. 110 АПК РФ правила распределения судебных расходов в их понимании, нашедшем отражение в практике конституционного правосудия (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 г. № 1349-О-О, от 21 марта 2013 г. № 461-О, от 22 апреля 2014 г. № 807-О, от 24 июня 2014 г. № 1469-О, от 23 июня 2015 г. № 1347-О, от 19 июля 2016 г. № 1646-О, от 25 октября 2016 г. № 2334-О; постановление от 11 июля 2017 г. № 20-П), образуют относящийся к нормативному содержанию конституционного права на судебную защиту общий принцип, в силу которого правосудие

нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесенные в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, вынужденное прибегнуть к судебному механизму обеспечения принудительной реализации своих прав, свобод и законных интересов, осуществление которых из-за действий (бездействия) другого лица оказалось невозможно, ограничено или сопряжено с несением неких дополнительных обременений.

Из содержания ст. 60 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), предусматривающей возможность защиты прав и законных интересов кредиторов, а также иных лиц, участвующих в деле или арбитражном процессе по делу о банкротстве, путем обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего, следует, что по общему правилу основанием для удовлетворения такой жалобы служит вывод суда о несоответствии обжалуемых действий (бездействия) арбитражного управляющего положениям законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также о нарушении такими действиями (бездействием) прав и законных интересов заявителя, тогда как отказ в жалобе должен быть обусловлен неподтвержденностью со стороны заявителя наличия как минимум одного из указанных обстоятельств.

Отказывая арбитражному управляющему в возмещении судебных расходов за счет конкурсного кредитора, суд первой инстанции принял во внимание, что кредитор является бывшим работником должника, законным способом защиты его права на получение задолженности по заработной плате является обращение с жалобой на действия управляющего, а также то, что основанием для отказа в удовлетворении жалобы послужил не вывод о неправомерности заявленного требования, а установленный судом факт погашения участником должника в ходе рассмотрения спора кредиторских требований, влекущий для заявителя жалобы утрату права на защиту своих нарушенных прав путем оспаривания действий арбитражного управляющего, исходя из чего суд обоснованно счел, что судебный акт по сути нельзя признать принятым в пользу конкурсного управляющего.

Таким образом, позиция суда апелляционной инстанции, принявшего во внимание в качестве критерия присуждения судебных расходов только лишь сформулированную судом первой инстанции резолютивную часть судебного акта как таковую, без учета отсутствия в нем установленного по итогам судебного разбирательства вынужденного характера материальных затрат, понесенных конкурсным управляющим ввиду

предъявления к нему необоснованных притязаний, не является правомерной и справедливой.

7. Судебные расходы, понесенные конкурсным управляющим из собственных средств в связи с рассмотрением обособленного спора об оспаривании сделки должника, могут быть взысканы с контрагента должника по данной сделке по правилам гл. 9 АПК РФ.

Данная правовая позиция, основывается на разъяснениях п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление № 63) разъяснено, что судебные расходы арбитражно-

---

Судебные расходы, понесенные конкурсным управляющим из собственных средств в связи с рассмотрением обособленного спора об оспаривании сделки должника, могут быть взысканы с контрагента должника по данной сделке по правилам гл. 9 АПК РФ

го управляющего, связанные с рассмотрением заявления об оспаривании сделки по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве, осуществляются за счет средств должника (п. 1, 2 ст. 20.7 Закона о банкротстве); такие судебные расходы, понесенные арбитражным управляющим из собственных средств, подлежат возмещению ему в последующем за счет средств должника. При удовлетворении судом заявления арбитражного управляющего об оспаривании сделки понесенные судебные расходы взыскиваются с другой стороны оспариваемой сделки в пользу должника, а в случае отказа в удовлетворении заявления – с должника в пользу другой стороны оспариваемой сделки.

Применяя при разрешении данного спора нормы ст. 20.3, п. 5 ст. 20.7 Закона о банкротстве, разъяснения п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве», а также положения Общих правил подготовки отчетов (заключений) арбитражного управляющего, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2003 г. № 299, суды не учли, что данные положения направлены на обеспечение сохранности

конкурсной массы должника, ее ограждения от необоснованных расходов по оплате услуг сторонних специалистов и создание условий для осуществления контроля над действиями управляющего по расходованию конкурсной массы, то есть регулируют правоотношения между участвующими в деле о банкротстве лицами (в частности, кредиторами и арбитражным управляющим), связанные с расходованием конкурсной массы.

Вместе с тем заявленное в рамках настоящего спора вытекающее из отношений должника в лице его конкурсного управляющего по возмездному оказанию юридических услуг требование о возмещении понесенных при рассмотрении обособленного спора судебных издержек, обращенное к проигравшей данный спор стороне, интересов конкурсной массы не затрагивает, заявлено в порядке, установленном гл. 9 АПК РФ, в связи с чем основания для распространения на эти отношения вышеприведенного специального правового регулирования у судов отсутствовали.

С учетом изложенного кассационный суд отметил, что вывод нижестоящих судов об отказе в удовлетворении рассматриваемого заявления нельзя признать правомерным.

Кроме того, принимая во внимание разъяснения, содержащиеся в п. 24 Постановления № 63, несение судебных расходов, связанных с рассмотрением заявления об оспаривании сделки, арбитражным управляющим из собственных средств также не могло быть положено в основание отказа для их взыскания.

8. Замена судьи не является основанием для повторного рассмотрения ходатайства о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы, которое было удовлетворено до замены судьи.

Согласно материалам дела, лицо обратилось с апелляционной жалобой, заявив при этом ходатайство о восстановлении срока на подачу жалобы.

Апелляционный суд принял жалобу к производству, при этом вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока вынес в судебное заседание для его разрешения с учетом мнения лиц, участвующих в деле.

В судебном заседании суд, рассмотрев ходатайство в порядке ст. 159 АПК РФ, пришел к выводу о том, что пропущенный процессуальный срок на подачу апелляционной жалобы подлежит восстановлению. Судебное заседание было отложено.

После отложения произведена замена судьи на основании ч. 4 ст. 18 АПК РФ, рассмотрение дела апелляционным судом в соответствии с ч. 5 ст. 18 АПК РФ начато сначала, в новом составе.

Суд указал, что в связи с рассмотрением дела сначала, а также в связи с представлением новых доводов

и доказательств по вопросу пропуска процессуального срока суд возвращается к разрешению вопроса о причинах пропуска данного срока.

Определением апелляционный суд отказал в восстановлении пропущенного процессуального срока, прекратил производство по апелляционной жалобе.

Кассационный суд данное определение отменил, направил дело на новое рассмотрение, сославшись на следующее.

Исходя из положений абзаца второго ч. 4 ст. 117 АПК РФ на восстановление пропущенного процессуального срока арбитражным судом указывается в соответствующем судебном акте.

В данном случае таким судебным актом явилось определение суда, которым апелляционный суд удовлетворил ходатайство лица, подавшего жалобу о восстановлении срока, и перешел к рассмотрению апелляционной жалобы по существу.

Таким образом, учитывая, что срок на подачу жалобы восстановлен законным составом суда, у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для повторного разрешения вопроса и выяснения причин пропуска данного срока. В связи с заменой судьи суд должен был начать рассмотрение доводов апелляционной жалобы по существу.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, вернувшись к разрешению вопроса о причинах пропуска срока на подачу апелляционной жалобы и отказав в его удовлетворении, фактически нивелировал юридическую силу ранее принятого судебного акта.

9. Ошибка суда нижестоящей инстанции в части разъяснения срока обжалования, в результате которой заявитель, не сомневающийся в правильности этой части судебного акта, фактически был введен в заблуждение, а также последующий отказ в принятии жалобы к производству в связи с нарушением срока обжалования, являются нарушением права заявителя на судебную защиту.

По итогам рассмотрения жалобы суд кассационной инстанции учел, что в силу ч. 5 ст. 39 АПК РФ по результатам рассмотрения арбитражным судом вопроса о передаче дела на рассмотрение другого арбитражного суда или суда общей юрисдикции выносится определение, которое может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в десятидневный срок со дня его вынесения. Жалоба на это определение рассматривается без вызова сторон в пятидневный срок со дня ее поступления в суд. Дело и определение направляются в арбитражный суд или суд общей юрисдикции по истечении срока, предусмотренного для обжалования этого определения, а в случае подачи

жалобы – после принятия постановления суда об оставлении жалобы без удовлетворения.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», определения о передаче дела по подсудности или об отказе в передаче дела по подсудности (ч. 5 ст. 39 АПК РФ) могут быть обжалованы в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, превышающий десяти дней со дня их вынесения.

Учитывая, что вопрос о подсудности разрешен судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции подлежало обжалованию в суд кассационной инстанции в срок, не превышающий десяти дней со дня его вынесения.

Между тем суд апелляционной инстанции в резолютивной части постановления неверно разъяснил срок на кассационное обжалование. Эта ошибка привела к тому, что товарищество было введено в заблуждение. Доверяя суду апелляционной инстанции и не сомневаясь в правильности его выводов относительно срока на обжалование, заявитель при подаче кассационной жалобы не подал ходатайство о восстановлении пропущенного срока, полагая, что совершает процессуальное действие в отведенный законом срок. Ожидания заявителя по поводу того, что кассационная жалоба будет принята к производству и рассмотрена по существу, имели под собой разумные основания.

Допущенные судом апелляционной инстанции ошибки должны исправляться судом кассационной инстанции исходя из целей и задач правосудия, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту (статья 46), одним из неотъемлемых элементов которого является право на обжалование судебного решения.

Поскольку АПК РФ не содержит специальных правил о действиях суда кассационной инстанции в ситуации, когда кассационная жалоба подана в срок, указанный судом апелляционной инстанции, но с нарушением отведенного законом срока на обжалование, в подобной ситуации следует руководствоваться не только п. 2 ч. 1 ст. 281 АПК РФ, но и общими положениями ч. 3 ст. 9 АПК РФ, согласно которым арбитражный суд, в частности, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывает содействие в реализации их прав.

Кроме того, исходя из правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П, должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Таким образом, даже при ошибочном указании в судебном акте срока его обжалования, при условии, что лица, участвующие в деле, могли воспринимать его реально, а жалоба была подана в пределах указанного в судебном акте срока, пропущенный подателем жалобы срок должен быть восстановлен.

На основании изложенного в целях разрешения правовой неопределенности, а также реализации заявителем права на судебную защиту, принимая во внимание, что кассационная жалоба подана в срок, установленный в резолютивной части постановления су-

---

Заявление о предоставлении рассрочки исполнения решения суда, поданное с соблюдением норм АПК РФ, подлежит рассмотрению судом с вынесением соответствующего судебного акта об отказе или об удовлетворении требований, указанных в заявлении

да апелляционной инстанции, окружной суд отменил определение о возвращении кассационной жалобы и передал жалобу для решения вопроса о принятии ее к производству.

10. Процессуальное законодательство не ограничивает число обращений с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения судебного акта в силу возможного изменения с течением времени фактических обстоятельств, влияющих на возможность его исполнения.

Суд кассационной инстанции, формулируя данный подход, исходил из следующего.

В соответствии с ч. 1 ст. 324 АПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного акта, арбитражный суд, выдавший исполнительный лист, по заявлению взыскателя, должника или судебного пристава-исполнителя вправе отсрочить или рассрочить исполнение судебного акта, изменить способ и порядок его исполнения.

В силу п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ арбитражный суд отказывает в принятии искового заявления, заявления, если имеется вступивший в законную силу принятый

по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт арбитражного суда.

Отсрочка или рассрочка исполнения судебного акта является исключительной мерой, которая должна применяться судом с учетом необходимости соблюдения баланса интересов сторон, как должника, так и взыскателя. При этом АПК РФ и Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) не содержат перечня оснований для отсрочки, рассрочки или изменения способа и порядка исполнения судебного акта, а лишь устанавливают критерий их определения – обстоятельства, затрудняющие исполнение судебного акта, предоставляя суду возможность в каждом конкретном случае решать вопрос об их наличии с учетом всех обстоятельств дела.

Исходя из изложенного, закон не ограничивает число обращений с заявлением о предоставлении рассрочки исполнения решения суда в силу возможного изменения с течением времени фактических обстоятельств, обуславливающих затруднительность исполнения судебного акта, предоставляя право оценки таких обстоятельств суду. Соответственно, заявление о предоставлении рассрочки исполнения решения суда, поданное с соблюдением норм АПК РФ, подлежит рассмотрению судом с вынесением соответствующего судебного акта об отказе или об удовлетворении требований, указанных в заявлении.

11. Отсутствие в исполнительном листе сведений о дате регистрации должника в качестве индивидуального предпринимателя не может являться основанием для отказа в возбуждении исполнительного производства в случае наличия иных сведений, позволяющих его идентифицировать и не препятствующих надлежащему исполнению судебным приставом исполнительного документа.

Суд кассационной инстанции учитывал, что согласно ч. 1 ст. 30 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство на основании исполнительного документа по заявлению взыскателя, если иное не установлено названным Законом.

На основании п. 4 ч. 1 ст. 31 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель выносит постановление об отказе в возбуждении исполнительного производства, если документ не является исполнительным либо не соответствует требованиям, предъявляемым к исполнительным документам, установленным ст. 13 данного Закона.

В соответствии с подп. «а» п. 5 ч. 1 ст. 13 Закона об исполнительном производстве (в редакции, действующей на момент вынесения оспариваемого постановления судебного пристава-исполнителя) в исполнительном документе должны быть указаны сведения о должнике и взыскателе, в том числе: для граждан – фамилия, имя, отчество, место жительства или место пребывания, а для должника также – дата и место рождения, место работы (если оно известно) и для должника, являющегося индивидуальным предпринимателем, также – дата и место его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, идентификационный номер налогоплательщика.

Из указанных положений в названной редакции следует, что в исполнительном листе, где должником является гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, должны содержаться данные о дате и месте его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, идентификационный номер налогоплательщика. Такие сведения о должнике в исполнительных документах обеспечивают возможность его идентификации, в то же время отсутствие

в исполнительном документе названных сведений не может являться основанием для отказа в возбуждении исполнительного производства, если имеются иные данные, позволяющие идентифицировать должника.

Таким образом, исполнительный лист, содержащий сведения об индивидуальном идентификационном номере (ИНН) и основном государственном регистрационном номере (ОГРН) должника, а также дате и месте рождения и месте жительства должника, наименовании регистрирующего органа, позволяет идентифицировать должника и не препятствует судебному приставу-исполнителю в осуществлении возложенных на него полномочий. Отсутствие в исполнительном листе сведений о дате регистрации должника в качестве индивидуального предпринимателя не может являться основанием для отказа в возбуждении исполнительного производства с учетом наличия иных сведений, позволяющих идентифицировать должника.

*Ю. В. Аверков,
заместитель начальника
Отдела анализа и обобщения судебной практики
Арбитражного суда Уральского округа*

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
И научно-практический экономико-правовой журнал
ПРАВО

12+

Выпускающий редактор: М. А. Бажина. Верстка А. Ю. Тюменцевой. Переводчик: Н. В. Садыкова

Адрес редакции журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmpjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 15.03.2022 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд.л. 6,15. Тираж 100 экземпляров. Заказ № ____ . Дата выхода в свет: 01.04.2022 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626.
ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-27031 от 25 января 2007 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ